

Дневник Т.Г. Степанова 6 января – 30 августа 1986 года

6 января 1986 г.

Едем на Дальний Восток.

Читаю этнопсихологический очерк «Японцы».

7 января.

Начали готовить материалы к визиту в Японию, КНДР, Монголию. Сосредоточились на Японии: заявление по прибытии в Токио, два текста - выступление на обеде от имен Абэ (15 января) и на приеме в советском посольстве (18 января).

Э.А.: -Пожалуйста, не упрощайте и не огрубляйте тексты. Уже в заявлении для печати покажите, что в Японию приехал не столько дипломат, сколько человек. Пусть Абэ услышит, что мне интересно было встречаться с ним в Нью-Йорке. Включите в текст слова Накасонэ о том, что «СССР и Япония – соседи, пока существует земля».

Читаю книги о Японии. «Японцы», «Сакура и дуб», «Японский сад», «Культура Японии». Работать интересно. Задача нестандартна, есть где разгуляться.

14 января. 18.10

Стартуем во Внуково. Нам предстоит пересечь ночь и 8122 километра. Потом мы полетим в Пхеньян + 2157 километров. Из Пхеньяна в Иркутск + 3756. Иркутск – Улан-Батор + 537. Улан-Батор – Иркутск + 537. Иркутск – Москва + 4402. Надо считать налетанные километры и часы. Более двадцати часов лета в общей сложности. Большая сложность.

Наш маршрут проходит над Нерлью, Вологдой, Котласом, Сыктывкарком, Ханты-Мансийском, Подкаменной Тунгуской, Витимом, Эктичаном, Троицком.

Дальше Иркутска я никогда не летал – в этом направлении – и никогда не работал – на такой высоте и в таких условиях.

Летели над Тюменью – внизу светились огни буровых. А мы с Сергеем в это время (10 - по Москве, бог знает сколько по здешнему) – лихорадочно кропали речь Э.А., переполняя ее ссылками на эпохальное заявление М.С. Горбачева.

Легли спать в 23.30. – по московскому времени. А в 02. часа по тому же времени меня разбудил рассвет. Его отблеск горел на «обруче» иллюминатора.

Какая огромная страна! Безмолвная, безмолвствующая.

15 января.

10 часов утра по токийскому времени. Садимся в аэропорту Ханеда. А до этого, в лазури неба, сначала над снежным хаосом хребтов и облаков, над ущельями, казалось бы рукотворными, парил конус высокой горы, по наитию принятой за Фудзи и ею же оказавшейся.

Как по-разному открывается чужая земля с высоты птичьего полета, и как точно ее лик соответствует твоим знаниям о ней! Не желаю ссылаться на книги – это старый мотив. Но Испанию я «узнавал» в лицо, и так же узнавал Штаты, Кубу, Исландию. Теперь вот Японию. За Хоккайдо снежный рубеж отсек непогоду и обозначил снижение к упорядоченному, окультуренному человеком пейзажу.

А Фудзи все парила над автострадами и танкерами, небоскребами и гигантскими нефтецистернами, яхтами и гирляндами мостов – некий божественный знак, посылаемый свыше человеку – как призыв и предостережение.

Четкая, филигранно отделанная встреча в аэропорту. Эти люди подобны своей технологии, тому, что они производят. Впрочем, об этом писал Маркес.

На всем пути следования – полицейские, вставшие спиной к автостраде. Ни одной обещанной демонстрации. Но с соседних и отдаленных улиц – рев громкоговорителей. Тихие, дисциплинированные японцы протестуют против нашего пришествия. Сегодня утром самосвал пытался таранить бронированные ворота п

осольства. Полицейские остановили.

Разместились в гостинице «Принц Токио». Экзотика быта, культура обслуживания шибает в нос. Шофер в белых перчатках такой опрометью выскакивает из машины, чтобы посоревноваться со швейцаром в скорости открывания дверей, что ты невольно пугаешься.

В коридоре отеля горничная едва ли не распласталась на полу в поклоне. Но это – не подобострастие... Но что же? «Не склонившись, не выпрямишься».

А на улице гремят громкоговорители, гремят нас всюду за северные территории и могилы, к которым мы не подпускаем плакальчиков. А на крышах домов, окружающих наше посольство, стоят вооруженные полицейские. Очень непреклонно, надежно и вместе с тем осуждающе стоят. Служба службой, а сердце кричит в унисон с громкоговорителями: «Вор! Отдай скорее Курилы и Сахалин!»

Тем временем начинаются переговоры. Тем временем мы с Сергеем работаем над завтрашней речью Э.А. на приеме в МИД Японии.

Вечером обед от имени минииндел Абэ. Вышколенная официантская братия двумя рядами в сомкнутом строю атакует длинный стол с зажженными свечами и утонченными цветочными композициями.

Разливают вино. Мой сосед, заведующий департаментом Европы, говорит:

-Это французское. Мы могли бы производить лучшее, если бы не торговая война. Дефицит французов в торговле с нами – миллиард долларов.

Обмен тостами.

Э.А.:

-С детства отец последовательно внушал мне: близкий сосед лучше дальнего родственника. Я переносу это на политику и говорю...

Спасибо, хоть этот фрагмент был взят из нашего загубленного выступления...

Какие-то девицы в кимоно наяривают нечто чувствительное на сямисене, нет, на инструменте наподобие арфы.

Подошли поближе.

Э.А. изволили пошутить:

-Вы идите, а я останусь.

Потом снова работа с Сергеем. В полночь отнесли текст к Э.А. Попенял: -Почему не участвовали в переговорах?

16 января 1986 года.

Я сижу с Сергеем и кроплю вечернюю речь.

В три – переговоры с японцами. Мое дипломатическое крещение. Пишу все, о чем говорят. Абэ начинает с проблемы мирного договора, говорит о северных территориях, посещении могил и т.д.

Э.А. отвечает толково, остроумно, напористо. Повторять здесь запись нет сил.

Прием в МИДе Японии. Нескончаемая череда лиц и личностей к Э.А. Обмен речами. Все о`кей.

Завершение дня – в узком кругу в экзотическом ресторане «Кицхо». Снимайте обувь, товарищи, и идите кушать экзотику. Подогретое саке, черепаховый суп, экзотическая гастрономия, кимоно, гейши, сямисен, ноги - в углублении, коленопреклоненные девы, щелканье «поляроидов».

Болтовня о «годе тигра». Шота Руставели, баллада о юноше, убившем тигра и оплакивающем мать-тигрицу.

Вопрос соседа-визави, чем Э.А. отличается от Громыко.

Р.Ф. Алексеев мнется:

-Это очень разные люди.

Визави: Я думаю, это очень гуманный человек.

Гейш сменяет современное инструментальное трио. Абэ лезет на сцену петь «Катюшу».

Э.Ш. и М.С. Капица тоже идут за ним.

Капица поет украинскую песню. Японская пара – «Песню о любви на Гиндзе».

Возвращение домой. Разговор о гейшах. «Женщины искусства» или «Женщины для любви»? И то и другое. Все на продажу. Сырой рыбы не было.

17 января 1986 г.

Делегация едет в парк «Рикуги-гэн», а я выбираю поездку по городу. Оправдываю свое бегство от японского «специалитета» двумя соображениями. Первое: этот парк создавался в эпоху начала заката «садовой философии» японцев – позднее средневековье, упадок искусства мыслить формами растений, выражать идеи камнями, мхами, ручейками, песком. Второе: жизнь живьем мне, журналисту, куда интереснее экспонатной.

Слабое, но все-таки – оправдание. Однако поездка не получилась. Мы больше стояли, чем двигались. Стояли в заторах автостада, напомнившего запруды из овечьих отар на наших горных дорогах. Семиминутная дистанция преодолевалась за сорок, сорокаминутная грозила растянуться на целый день.

Что увидишь из окна машины? Бетонные стены на развязках автострад, разделительные барьеры, верхушки небоскребов с иероглифами и латиницей рекламы.

В узких улочках далеко от Гиндзы кипели потоки торжища, вынесенного на яркий солнечный свет бита. В гаражах лифты-домкраты поднимали автомобили на требуемую высоту. В магазинах и лавчонках шла бойкая торговля ... рыбным, мясным, человеческим товаром. Но мы бежали, а потому слепли от мешанины иероглифов, цветов, запахов, изобилия пестрого тряпья и рыбной живности.

Намного больше зрение ухватило на автозаводе фирмы «Ниссан» в городе Дзама близ Токио.

В респектабельном «Дзаммасанни холл» члены правления рассказали нам о своей империи.

По объему производства «Ниссан» занимает четвертое место в мире. (Ниссан – священный ветер, когда-то по преданию спасший Японию. Теперь «Ниссан» угрожает другим странам, в первую очередь - США). На его заводах трудятся 60 тысяч человек, производящих в год два с половиной миллиона машин, половину – на экспорт. В 21 стране мира у «Нисана» действуют сборочные заводы.

Фирма впервые в мире внедрила в автомобилестроение роботы. Коэффициент автоматизации в некоторых цехах достигает 97 процентов. «Ниссан» - лидер в автоматизации автомобилестроения.

Завод в Дзама выпускает в год 600 тысяч машин «Санни», 180 модификаций и 90 вариантами двигателя. В месяц – 35 тысяч. А работников всего четыре тысяч шестьсот. Отличительные свойства продукции – высочайшее качество, малая материалоемкость, экономичность. Девиз «Ниссан»: «Предприятие – это кадры». Для разных цехов установлены свои заповеди. «Ниссан – это технология», «Держи темп!», «Работай с огоньком!».

В цехе кузовов роботам присвоены женские имена.

Э.А.: А как на это реагируют девушки?

Ответ: Спокойно...

Завод получил особый приз за организацию труда.

Пошли по цехам. В прессовом – манипуляторы, грохот, музыка, фотостенд «передовиков-рационализаторов». В кузовном – 80 рабочих, 142 робота с фотографиями и менами девочек.

-Роботу Мумуко восемь лет. Он устал, у него начали уставать, дрожать руки.

Один кузов восьми типов машин собирается менее чем за минуту. Цех окончательной сборки. Все рабочие способны выполнять инженерную работу. Электронный контроль за правильностью сборки. ЭВМ регулирует модификацию. На конвейере установлен такой наклон кузова, чтобы рабочий не уставал, на участке моторного отсека он движется вместе с машиной.

-Наши рабочие физически слабее европейских. Поэтому мы максимально облегчаем им труд.

На выходе с конвейера установлена собранная вчера машина. Чтобы рабочие могли видеть, как они потрудились вчера.

Э.А.: -Контролирующих много?

Ответ: -Минимум. Каждый на своем рабочем месте осознает, что он трудится для себя.

Возвращаемся в «Дзаммасанни холл». Э.А. делает запись в списке почетных посетителей и говорит:

-Все! Коммюнике больше не будет.

Потом добавляет несколько приятных слов, желает «Нисану» первого места в мире, обещает рекламировать повсюду («Бесплатно!») и при выходе на пенсию приобрести «Ниссан».

У выхода из зала демонстрируют робот. По команде голосом загоняет клюшкой мяч в названную лунку.

Вечером – театр Кабуки. Аплодисменты министру. Неясности с воскресной пресс-конференцией. Мы с Сергеем уходим из посольства в час ночи. Во время разговора с Э.А. засыпал на ходу.

18 января 86 г.

Едем в резиденцию премьер-министра Накасонэ. Резиденция ослепляет залпами фотовспышек и улыбок. Эдуард и Ясухиро демонстрируют дружелюбие, долго, слишком долго «держат» рукопожатие. Фотокорреспонденты кричат: «Разговаривайте! Разговаривайте!»

И они разговаривают для понта, а потом, уже в комнате без папарацци – опять для понта – на темы погоды, театра Кабуки, его гастролей в Москве. Э.А. клятвенно заверяет Я. Н., что обязательно посетит спектакли.

Залпы улыбок не утихают и во время взаимных приветствий, выражения Благодарности, уважения к Горбачеву и Рыжкову, приглашения Накасонэ прибыть в Москву, передачи личного послания Горбачеву и т.д.

Однако в момент, когда Э.А. приступает к разговору по существу, Накасонэ надевает маску этакого сонного, через силу вежливого, внимания.

Э.А. суммировал сказанное на переговорах, рекламирует заявление Горбачева и очень твердо подводит черту под надеждами японцев на возвращение «северных территорий». Накасонэ благодарит, выражает добрые чувства к новому советскому руководству, воздал должное новому заявлению советского руководства («Я говорю об этом не только японцам»), передает ответное приглашение Горбачеву.

Задал несколько вопросов – о контроле, о пропорциях разоружения в Европе и Азии, выразил глубокую озабоченность «наращиванием советских вооруженных сил на Дальнем Востоке». Затем повторил традиционный тезис о заключении мирного договора на основе заявления Танака – Брежнев.

-Япония постарается как можно меньше тратить на вооружение, как можно больше на повышение благосостояния народа.

Э.А.: -В этом мы будем вам надежными партнерами.

Министр ответил на вопросы Накасонэ, отвел в категорической форме постановку территориального вопроса.

Посещение научно-технической выставки «Сони». Почетный президент фирмы Ибука открыл показ электронных чудес вступительным словом о надеждах на расширение торговли. Упомянул почему-то семью Никитиных, книга которых издана в Японии. Нам показали «телевизор XXI века», разрешающая способность которого в четыре-пять раз выше обычного. Система «Мавиграф» - совмещение телекамеры, телевизора, фотоаппарата. Система подбирает оптимальную прическу женщине и тут же выдает ей фотографию.

Э.А.: Прическу – пожалуйста. Главное – мужа не менять.

Это он о своей супруге.

Зал видео. Разработана новая модель съемочной камеры, работать с которой может любой любитель. Маленькая, изящная игрушка. Э.А. направляет ее на толпу репортеров.

Нестерушкин:

- Попросите их улыбнуться.

Через мгновение все снятое воспроизвелось на экране.

Ибука показывает маленькую, размером с обычную для магнитофона, видеокассету.

-Переход к такой модели видеоманитофона можно сравнить с переходом от эпохи бронзы к эпохе железа. В марте камеры поступят в продажу.

Э.А. – репортерам: Я вернул вам свой долг.

Видеотека. Робот подхватывает видеокассету, доставляет ее к видеоманитону и вставляет ее в него. Система «Интелболт».

Справка Внешторга: В этом году Советский Союз закупил у «Сони» две тысячи телевизоров и другую технику на 5 миллионов долларов. Ограничения «Коком».

Э.А.: Как бы взорвать этот «Коком»?

Прощальный спич: «Вчера я обещал «Ниссан» рекламировать ее технику. Обещаю то же самое и вам. Сейчас я смотрел телевизор XXI века. Мы вместе должны подумать, как до начала его ликвидировать все виды оружия. Это не пропаганда, а совершенно реальная вещь.

Вечером – встреча с работниками посольства. Выступление Э.А. произвело на всех очень большое впечатление.

-Впервые слушаю члена Политбюро, который разговаривает с нами как человек. До Шеварднадзе сюда приезжало четверо его коллег. Не с кем сравнивать - говорит один работник посольства.

Вечером к нам заходят молодые наши коллеги. И снова разговор о выступлении министра. Он его не просматривал, просто вышел на трибуну и прочитал, расцветив интонациями и юмором.

А я вспомнил, как писал в больнице «внутреннюю» часть, как добывал материалы, как волновался, передавал Сергею.

Мне было радостно за всех нас, троих соавторов. Осознание собственного профессионализма делает нас счастливыми.

Подписание советско-японских документов в Доме приемов МИД Японии. Впервые участвую в таком акте.

Прием в нашем посольстве. Самый напряженный день. В 21.30 – беседа с Э.А. о завтрашней пресс-конференции. Работаем до половины второго ночи. Засыпаю в половине четвертого.

19 января.

«Нихон-пресс-центр». Переполненный зал, масса съемочной техники. Ведущий объявляет:

-Пресс-конференция продлится час десять минут.

Э.А.: - Это не я придумал.

Он делает множество комплиментов журналистам. Читает наш текст, но многое привносит от себя.

-Сегодня воскресенье. Если пресса – и дипломаты – будут отдыхать, общественное мнение окажется предоставленным самому себе.

-В молодости я увлекался журналистикой. С журналистами нельзя портить отношений...

Вопросы:

«Иомиури»: - Действительно, мы боялись, что вы станете читать то, что лежит у вас на столе. Скажите, каковы исторические и юридические основания удерживания Советским Союзом четырех северных островов?

Отвечает толково и спокойно.

«Асахи» интересуется, сможет ли Горбачев приехать в Японию до приезда Накасонэ в Советский Союз. Вспоминает «бум Микояна», предвещает «бум Горбачева».

-Можно ли надеяться, что высшие руководители смогут решить территориальный вопрос?

-Вопрос умный, а ответ будет коротким. Высшие руководители на то и высшие, что сами не располагают собой и своим временем. Его у них очень мало. Спросите сами, они вам ответят.

Под занавес – кульминация, триумф, пик нашей работы здесь. Человек из АП задает вопрос:

-Вы противитесь фундаментальным исследованиям в области СОИ, а сами проводите их. Почему же тогда вы выступаете против оборонной инициативы президента Рейгана?

-Кто вам мешает проводить исследования? Но если мы и впрямь опережаем вас в этой области, то зачем же предлагаем прекратить подготовку к переносу вооружений в космос? Нелогично. Я вам скажу, что таится за этой СОИ. Еще президент Джонсон сказал: «Тот, кто владеет космосом - владеет землей!»

Постепенно «заводит» себя, но потом, улыбнувшись, мягко извиняется за резкость тона.

-Простите, мне трудно было сдержаться.

Возвращаемся в посольство именинниками. Сергей подсчитывает:

-Мы сделали тексты пяти выступлений и половину «разговорников». Втрое больше, чем вся основная «команда».

Час дня. Солнечно, безветренно, покойно. Едем в аэропорт. Взлетаем. Над пеленой смога встает вершина Фудзи.

Летим в Пхеньян. Очень хочется спать.

19 января 1986 года.

Пхеньян. Самолеты времен Корейской войны. Памятник той эпохи? Маскировка? Камуфляж?

Похоже на то, что в этой стране закамуфлировано все - от фасадов домов до человеческих чувств. Вдоль огромной привокзальной площади выстроена многотысячная толпа, мужчины и женщины в одинаковых по крою и цвету - в основном темному пальто. Играет оркестр, и бумажные шеренги в руках у шеренги колышутся в ритме марша под монотонное скандирование: «Мандэ! Мандэ!» Протяжно, чуть печально звучание этого слова. Лица серьезные, бесстрастные. Лишь один человек выдает улыбку на всех и за всех - «любимый вождь, солнце нации» Ким Ир Сен. Его огромный портрет светит нам с фронтона здания, отражается в черном лаке «Мерседесов». Лучезарный желток в непроглядном мраке корейской ночи.

Но это пока лишь эмоции. Автострада отличная, дома вдоль нее - вполне пристойны, хотя что-то в них настораживает. Что? Может быть, безлюдье? У жилых домов нежилой вид. Безлюдна и автострада, лишь редкие, бедно одетые фигуры бредут вдоль шоссе. Зато многолюдны фундаментальные стены, и люди на них одеты ярко и богато, и все они сытые и довольные, ведут хороводы счастья вокруг одного человека. Его толстые щеки

лоснятся, и улыбка у него лоснящаяся, жирная - восточное божество плоти и плотоядности. Пустынное шоссе выносит кавалькаду блестящих лимузинов к ограде, за которой - современное здание резиденции. Вступая в нее, невольно зажимаешь глаза - так бьют по ним роскошь ковров, люстр, мраморных колонн, высота сводов и потолков, блеск дверей из красного дерева и орнаментов, мрамора, подсвеченных скрытыми лампами дневного света гигантских пейзажей - горы, водопады, дымка поэзии и легенд. Рабочий кабинет министра - размером с вокзал, переходы из помещения в помещение - километровые, из драпировок и штор диковинных тканей можно пошить одежды на полнарода. Роскошь сопутствует нам и в наших комнатах. Японский холодильник набит напитками и фруктами, ванная комната отделана мрамором и плитами изумительной расцветки, оснащена самой совершенной сантехникой - тоже японского производства. Зовут на ужин. В зале размером с нормальное футбольное поле бесшумно движутся миниатюрные корейки, разносят диковинные блюда и напитки, совершают хоровод безграничного гостеприимства у круглых столов, заставленных, заваленных серебром, хрусталем, цветами.

Я сижу, упираясь глазами в пленительный пейзаж: корейская осень, по ущелью пенится нефритовый поток, золото кленов оттенено темно-вишневой мякотью каких-то плодов, курятся задымленные легкими тенями сланцевые пики, прозрачны небеса, покой предвещает счастье.

Красива эта земля, счастливы ее люди - вот о чем говорит нам эта картина. Но и она безлюдна. Ни одной живой души, кроме фазанов, чье фантастическое оперение уже ничего не добавляет к феерии этой картины.

Но есть ли у фазанов душа? И способны ли они осознать, в какой живут стране?

Мы не спим этой ночью. Э.Ш. забраковал подготовленные кем-то в МИДе материалы переговоров. Сергей и я работаем до утра. В номере жарко, душно. С трудом раздвигаю портьеры, открываю окно. Непроглядная ночь, выхваченный чужеземным фонарем пласт снега, редкая цепочка огней разделяет черноту земли и неба.

Холодом обжигает щеки. Чем-то полузабытым и вспоминаемым веет из ночи.

20 января 1986 года.

Все тот же дивный кошмар. Сон не развеялся. После бессонной ночи интерьеры кажутся еще более причудливыми, неестественными, цветы - диковинно яркими, трава в декоративных нишах - ядовито зеленой. И - ни одного портрета «родного вождя».

Он присутствует в этом дворце, его автор и строитель, творец чудовищно роскошной декорации, за которой живет его народ. Туда, за кулисы страны проникнуть невозможно. Хочется в город, но надо работать. Остаемся в своих покоях, а делегация уезжает на переговоры. Работать трудно. Бессонница сказывается. Давит тишина, безлюдье, невозможность мыслить вслух. Фазаны за окном кажутся соглядатаями незримых шпииков. После обеда едем возлагать венки на Тесонсанское кладбище павших революционеров. Похоже на Вучетича. Церемония опереточна и грандиозна. И бронза циклопических памятников не похожа на нормальную бронзу - есть в ней нечто «бесчеловечное». Цвет яркий, никакой патины, главное назначение - ослепить, заставить отшатнуться, пасть на колени.

Намного скромнее Монумент освобождения - памятник советским солдатам, погибшим в боях за Корею.

Еще одна фарсовая церемония - возложение венков к Монументу дружбы, воздвигнутому в честь китайских добровольцев, тоже отдавших жизни за эту страну, но в другую войну - Корейскую.

Церемония окрашена в значительные политические цвета. Прибыла посол КНР, военный атташе державы. Символический жест, демонстрирующий добрую волю двух великих и когда-то дружественных держав так или иначе двигаться навстречу друг другу.

С холмов, где установлены монументы, открывается вид на город. На вполне современный и даже процветающий. Многоэтажные коробки окрашены в приятные тона, стандарт и типоразмер уравновешены зданиями больших объемов, построенными в национальном стиле или под него. Но когда едешь мимо них по улице и всматриваешься в окна, то невольно пугаешься их очевидной безжизненности. На окнах - ни одной цветной занавески, они все одинаковые, ни одно человеческое лицо не мелькнет за ними. И улицы, широкие, хорошо асфальтированные, безлюдны. Лишь изредка прошагает мимо выстроенная в колонну группа фигур в одинаковых темных пальто. Витрины магазинов тоже не выявляют признаков жизни, за прилавками нет продавцов, у прилавков - покупателей.

Зато очень много Его. В проеме гигантской триумфальной арки возникает вдруг сказочный конь Чхоллима, а под ним - красногранитная фигура маршала, вождя и отца с простертой к югу рукой.

Вечером сижу в зале переговоров дворца Мансудэ. Все тот же сногшибательный масштаб официальной роскоши, подавляющее богатство отделки, изобилие современной импортной техники, отряды вышколенных лакеев, подносящих разнообразные напитки.

Переговоры - вот какие:

Ким Ен Нам:

-Вы первый советский министр иностранных дел СССР, посещающий КНДР. Ваш приезд к нам - большое событие. Любимый вождь товарищ Ким Ир Сен в своей исторической предновогодней речи отметил, что корейско-советские отношения развиваются на новом высоком уровне. Любимый вождь уже пригласил товарища Горбачева в Корею. Мы знаем, что Накасонэ пригласил М.С. Горбачева в Японию. Мы хотели бы, чтобы его первый визит в азиатские страны начался с КНДР. Ведь все президенты США свои вояжи в Азию начинают с Южной Кореи.

Социалистическое строительство мы ведем в трудных условиях, когда наша страна прямо противостоит американскому империализму. Но наш народ как никогда сплочен вокруг ТПК во главе с любимым вождем товарищем Ким Ир Сенем.

Как непохож этот зал на токийский, где мне довелось слушать диалог Абэ-Шеварднадзе! Насколько тот был скромнее, но изысканнее.

Ким Ен Нам переходит к делу. Его суть: полуостров - самая взрывоопасная точка планеты. Что в сравнении с ним Ближний Восток и Центральная Америка?! Южная Корея - ядерный арсенал США. Если здесь вспыхнет война, она неизбежно разовьется в мировую. Просим вас сделать все для того, чтобы южнокорейский вопрос стал активным мировым вопросом. Далее - оXXIVОлимпиаде в Сеуле. Она - замысел американского империализма. Ее цель - повысить авторитет Чон Ду Хвана, укрепить его шаткий режим. Мы выдвинули предложение об участии единой командой, о проведении части Игр в Пхеньяне. Идут споры о том, как назвать Международный оргкомитет и самое Олимпиаду.

Сеул выступает против единой команды.

Просим:

- 1). Пока не будет принято окончательное решение - не объявлять об участии в Олимпиаде. Отложите это до крайнего срока.
- 2). В идеале - бойкот со стороны СССР и других соцстран.

Э.Ш.: -Каково возможное спортивное обеспечение проведения Олимпиады в Пхеньяне?

Ким Ен Нам: -Если будет принято такое решение - мы обеспечим всею

Вечером - торжественный прием в народном дворце культуры. Все тот же стандарт благолепия и роскоши. А соседи за столом - плохо одеты, молчаливы, боязливы. Значок с портретом любимого вождя - единственное яркое пятно на их костюмах.

21 января 1986 года.

Едем в Мангендэ. Святое место - колыбель великого вождя. Корейцев всерьез уверяют, что там, в 1912 году, приложившись к соску материнской груди, он вынашивал замыслы народного восстания против японских колонизаторов.

Мангендэ в переводе - «Место тысячи видов». Иначе говоря, Ким глядел далеко. Дальновидность маршала и вождя простерлась дальше этого убогого, крытого камышовой соломой домика, столь сильно напомнившего мне Гори, что я стал озираться в поисках знакомого усатого лица.

Впрочем, что значит напомнившего? Это и есть корейский Гори, Ким Ир Сен был учеником Сталина, превзошедший самого учителя.

В 10.30 - прием «великим вождем товарищем Ким Ир Сенем, как значится в официальной программе.

Президентский дворец - на отшибе Пхеньяна, недоступный, окруженный безлюдьем и безмолвием, сумрачный парафраз гигантской пагоды - встречает нас шеренгами молчаливых мужчин, ведущих нас из помещения в помещение, каждое из которых - верх безумия.

Я вдруг подумал, что этот человек - сюрреалист куда более великий, чем Сальвадор Дали: тот писал картины в стране смещений и искажений, а этот из целой страны сотворил такую картину. На этой картине все люди счастливы, а признание в несчастье равнозначно государственной измене. Они счастливы тем, что отец-вождь кормит каждого 400 граммами риса в день, по праздникам дарит одежду, выдает деньги, на которые нельзя ничего купить, содержит магазины, в которых ничего не продается, строит дворцы для гостей, открытые лишь несколько дней в году. На этой картине окна светятся светом одинаковой для всех люминесцентной трубки, троллейбусы ходят по улицам с погашенными огнями, каждые пять дворов связаны круговой порукой взаимного доносительства, пляска неоновых огней рекламы в безжизненности ночного города прославляет самого великого, самого мудрого, самого отважного.

Он встречает нас широкой улыбкой, затмевающей свет юпитеров ТВ и вспышки фотоаппаратов. Внешне моложав, прям, строг, светло-синий костюм скроен по округлой фигуре так, что скрывает старческую полноту. У него на шее - шишка: липома, доброкачественная опухоль, но ходит он, подволакивая ногу, с трудом справляясь с перевешивающей тяжестью опухоли.

Рядом с великим вождем - дорогой руководитель, сынок Ким, Ким Чен Ир, инфант, престолонаследник и надежда нации. Толстенький, одутловатый очкарик, низкорослый и мрачный, глядящий с подозрением на каждого, кто осмеливается посмотреть на него.

-Я уже стар и не могу поспеть всюду, - говорит Ким Ир Сен, усаживаясь за стол переговоров. - Но у меня есть хороший помощник.

И поворачивается к своему дорогому мальчику.

Стол, за которым мы сидим, огромен и великолепен. Перед каждым из нас - установка для синхронного перевода фирмы «Сони».

-Я председательствую на важнейших совещаниях, - говорит Ким, любовно оглядывая своего наследника. - А ему поручаю важнейшие дела.

Начинаются разговоры-переговоры.

Ким: - Я поздравляю вас с успехами в Японии. Как здоровье моего близкого друга Горбачева?

Э.Ш. -Работает над материалами и документами съезда. Очень много работает.

Ким: - Генеральный секретарь, иначе нельзя. /И снова о своем здоровье.

Э.Ш.: - Кто не знает вашей биографии, не скажет, сколько вам лет.

Ким: - Очень хочу помолодеть.

Э.Ш.: - Ничего невозможного нет.

Ким: - Ваш визит большое, вдохновившее наш народ, событие. Вы прибыли в то время, когда наши отношения идут по восходящей линии.

Помянул Алиева. Спросил, не курит ли Э.Ш. И затянулся дымом коричневой пахитоски.

-Горбачев предпринимает важные внешнеполитические акции. После встречи в верхах выступил с очень важным заявлением. Мы противостоям американцам, и поэтому приветствуем его. Если оно претворится в жизнь - Южная Корея утратит значение ядерного арсенала.

Конечно же, Рейган не откликнется на заявление Горбачева, но со временем - может быть. Очень хорошо, что вы возобновили диалог с Японией, Если удастся нейтрализовать ее - мы стабилизируем положение в Азии.

Он совсем не так прост, как мне думалось, совсем не примитивен этот корейский прототип диктатора из «Превратностей метода». Он, несомненно, умен и хитер, и у него есть цель. Он знает, чем и как держать свой народ в повиновении, и он выбрал верный путь к пьедесталу божества. Сначала "освободил" родину от японской тирании, потом "побил" американцев, теперь бьется за "мирное объединение двух Корей". Есть от чего заплакать в умиление рядовому корейцу.

-Проблема мирного объединения Корей неразрешима, пока на Юге сидят американцы. Но мы продолжаем переговоры. Ваш визит - большая поддержка для нас.

Южнокорейцы когда-то называли американцев своими абсолютными покровителями. Сейчас все поняли - это агрессоры и захватчики. Они держат под ружьем миллионную армию, складывают ядерное оружие. Южная Корея - самая взрывоопасная точка планеты. Народы мира должны знать это. Цель Кима очевидна: лестью, посулами поддержки, нагнетанием ужасов выколотить из нас как можно больше моральной и материальной помощи.

Э.А. благодарит за приглашение и теплую встречу и сообщает, что привез послание Горбачева. Спрашивает: зачитать послание или изложить его.

Папочка вопрошающе смотрит на сыночка, тот, важно надувшись, рекомендует великому вождю заслушать изложение. После сего торжественного акта Э.А. выражает согласие в том, что без вывода американских войск из Южной Кореи невозможно решить корейский вопрос.

-Мы готовы широко сотрудничать с вами в этом направлении. Я вчера посмотрел некоторые ваши выступления и обратил внимание на ваше образное выражение о волке, который держит в руках кусок сала. Волк - это США, кусок сала - Южная Корея. Тихоокеанское сообщество - азиатский вариант НАТО. Все ваши предложения о мирном объединении Корей разрушают планы американского империализма. В этом же плане следует рассматривать нашу поездку в Японию. Мы противодействуем планам создания треугольника: "Вашингтон - Токио - Сеул".

Соцстраны объединят свои усилия в вашу поддержку. Вчера мы говорили с моим коллегой, как нам координировать наши действия в этом направлении.

Расхваливает заявление Горбачева, анализирует состояние советско-американских отношений.

-Ваши усилия, ваша работа дополняют наши усилия. И в этом же направлении будет работать идея созыва азиатского форума.

Делится японскими впечатлениями.

-Мы почувствовали, что и там есть антиамериканские настроения. Даже в правительстве. Отсюда и заинтересованность японцев в отношениях с нами. Особенно дают знать о себе противоречия США и Японии в сфере торговли. Дефицит США в торговле с Японией уже составляет 40 миллиардов долларов. В Штатах возмущаются, протестуют. Такие же тенденции - в Латинской Америке. В этом - хорошие тенденции для нейтрализации США. Товарищ Горбачев помнит о вашем желании встретиться с ним, о приглашении в КНДР. Он не исключает возможности поездки на Дальний Восток в этом году. Я не очень решительно, но все-таки говорю, что встреча в Пхеньяне может состояться.

М. Капица: - Я буду активным агитатором.

Э.А.: -Надо еще быть и организатором.

Товарищ Горбачев приглашает вас на отдых и лечение, хотя вы в этом не нуждаетесь. Советские люди будут приветствовать ваше решение направить делегацию на наш съезд. Обещаю: он будет интересным.

Подтверждаем приглашение и Ким Чен Иру. Звучат комплименты дорогому руководителю. Анализ советско-корейских отношений - экономика, военное сотрудничество и т.д., похвала "красавцу Пхеньяну".

-Я был у вас 17 лет назад. Есть возможность сравнивать. Многое изменилось к лучшему. Корейский народ под мудрым руководством ТПК, вашим мудрым руководством добился больших успехов, и советские люди радуются этому.

Ким Ир Сен благодарит за теплые слова и послание Горбачева.

-В вашей партии отказались от политики закрытых дверей и пошли на открытый диалог с противником. У нас есть пословица: если хочешь добить тигрят, надо идти в логово тигра. Вы идете в логово тигра, чтобы добить там тигрят.

Мы потребовали убрать американские войска с полуострова. "Хозяева" не ответили - тем более не ответит лакей. Мы полностью поддерживаем ваши меры. Лучше иметь диалог, чем не иметь его вовсе. Еще раз хотел бы пригласить Горбачева к нам. Весь корейский народ будет приветствовать его.

Дело прошлое, неприятное, но надо вспомнить. В свое время Хрущев обещал приехать в КНДР, и мы объявили это народу. Все коммунисты начали изучать его биографию и труды. Потом Хрущев поехал в Пекин. Я сказал ему, что через несколько дней жду его в Пхеньяне. Он ответил: "Я только что был в Штатах и после встречи с Эйзенхауэром не смогу дурно высказываться о США". Я не знал, что сказать нашим коммунистам.

После получасового анализа положения дел на Корейском полуострове: приглашаю пообедать со мной. Забыл: до этого, рассказывая о контактах с южнокорейцами, сказал: Мой дорогой руководитель - организатор этого дела".

Если позволит обстановка, я приеду в Москву. В 1984 году ехал к вам поездом. Девять дней. Заболел. Надо обсудить, можно ли ехать поездом.

Ким Чен Ир: -Если будет хорошо себя чувствовать, поедет.

Вождь: -Сейчас езжу на машине не больше часа в день. Ишиас.

Э.А. -Приезжайте, но не в ущерб здоровью.

Вождь: -Спасибо. Спасибо и за то, что в Японии вы выполнили миссию японского народа.

Обед - апогей диктаторства. Фазаны, бульон с перепелиными яйцами и отставленные в великом почтении задницы. Официанты в белоснежных ливреях, серебро, хрусталь, большая жратва.

Сынок отсутствует. Перед обедом он подкатил к Э.А. и сказал внушительно:

-Я не должен был сегодня присутствовать, но узнал, что вы передадите дорогому вождю послание товарища Горбачева и поэтому пришел. Я знаю также, что у вас мало времени, и поэтому наша завтрашняя встреча не состоится. Уезжаю в провинцию.

Я обратил внимание на его маленькие ножки, одетые в серые туфельки с узкими загнутыми носами.

Вечером - концерт в театре "Мансудэ". Апофеоз показухи, декоративности и самой современной техники. Живые картины на экране-заднике. И все к одному: к прославлению "живого солнца". В зале - толпа зрителей-статистов. А наши места - не кресла, а столики, отделенные от зала полосой отчуждения.

22 января 1986 года.

Дворец пионеров. Барабаны. Горны. Милые детские лица. Красные галстуки. Корейские Павлики Морозовы?

Подписание советско-корейских соглашений. Потом нас проводят через зал съездов с циклопической мраморной статуей вождя, показывают его одинокое место под ней.

23 января 1986 г.

Уезжаем. Летим в Монголию. В аэропорту Пхеньяна – знакомый спектакль. Летим через Сибирь с посадкой в Иркутске. Сердце откликается на тайгу, на скованные льдом Ангару и Байкал, на город, где я когда-то заболел этим краем. Из Иркутска до Улан-Батора – полтора часа лета. Пересаживаемся в маленький ТУ-134 – больших самолетов аэропорт в Улан-Баторе не принимает. Но после огромной потемкинской деревни в корейском исполнении, после полуяви-полусна в хоромы Ким Ир Сена эта страна, полностью лишенная внешнего лоска, сулит отраду уставшему от лжи сердцу.

Здесь все – правда, все живое: люди, автобусы, животные, крошечный аэропорт, чувства встречающих.

Страна бедна, она – сколок нашей страны. Столица Монголии – заштатный областной центр, дома серийной постройки – пятидесятых и семидесятых годов. У въезда в город дымит ТЭЦ, дымят юрты – их здесь очень много.

Работает закон контраста. В резиденции нет и намека на роскошь, двери скрипят, кран в душевой брызгает каплями воды, разномастная мебель неудобна.

Здание МИДа – копия присутственного места из российской глубинки. Министр МНР устраивает прием в кинозале, блюда подают на столы из служебных кабинетов, на потолке расплываются пятна.

Задумываюсь вот над чем: куда бы мы ни пришли – везде воцаряется стандарт неустроенности. Почему?

Бессонная ночь. Работа над документами. За окном по межгорной долине выстраиваются олени. Заснеженные холмы светятся в темноте.

25 января.

Домой! Снова Иркутск и снова взлет.

Сегодня – день рождения Э.Ш. Эдик Песов припас цветную фотографию Джвари. Мераб Чебошвили сочинил текст поздравления. Садимся во Внуково, пролетев в общей сложности 24 тысячи километров.

3 февраля 1986 г.

«Выстрел вдогонку» - приглашение «команды» в Посольство КНДР. Едем, но без министра. И попадаем в страну, из которой только что уехали.

Та же представительность, те же показные роскошь и богатство, тот же лоснящийся лик вождя и отца. На сей раз он осеняет трапезу за богатым столом, установленном в гигантском зале и заставленном традиционными корейскими яствами. «Кимирсеновка» льется рекой.

Но сначала нас угощают иным блюдом. Снятый на великолепном «кодаке» фильм о визите Э.Ш. в КНДР упоенно жет о стране утренней свежести и ее столице. Если не знать, каковы они на деле, то можно влюбиться в творения разума маршала и его «Беби Дока». «Кодак» способствует лакировке действительности и избирательности камеры. Какая прекрасная страна! Какой чудесный город! – воскликнул бы я, не разгляди их в упор не на киноэкране, а в яви – полторы недели назад.

Вижу: нас встречают ах как радушно и вспоминаю деревянную твердь лиц в аэропорту Пхеньяна.

Потом нас ведут в другой зал, где сублильные куклы-коряночки подают трепангов и каракатиц в немыслимых сочетаниях с фидами и фисташками, разливают по рюмкам инсамовую водку и где мало по малу развязываются языки.

М. Капица – мне: - Вот это папоротник. Очень вкусно. Но предупреждаю: от него падает.

И тут же провозглашает тост:

-За великого вождя.

И то, и другое – хулиганство равного пошиба.

Начинаю и я.

Сергей:

-Не хулиганьте.

Спор нарастает. Некий бойкий молодежавый человек, излучающий свет, в котором гаснет посол – явно комиссар «Беби Дока» - говорит:

-Мы вам дарим этот фильм. Он не отражает всех моментов и деталей визита. Например, резиденции, в которой вы жили. Она построена для приема глав государств, с которыми могут вестись особо доверительные переговоры на щекотливые темы.

Затем он сообщает, что весь этот «пурмарил» (застолье – груз.) выделен из личных запасов самого вождя.

М. Капица провозглашает тост:

-За любимого руководителя!

Все эти славословия тщательно фиксируются корейцами. Посол раздумчиво сообщает:

-13 февраля – день рождения дорогого руководителя. Великий вождь запрещает официально отмечать эту дату... Но я беру это на себя. У нас есть фильм... Хотим устроить прием. Желаем, чтобы с советской стороны присутствовал секретарь ЦК КПСС. Или, хотя бы, - зампред Совета Министров СССР.

Такова возможная, приемлемая плата за этот обед.

В ответ М. Капица пробрасывает нашу «шайбу»:

-После вас мы были в Улан-Баторе. Надо помочь монгольским товарищам придать городу столичный вид. Что, если КНДР построит там квартал, улицу, комплекс зданий?

Вежливое кивание головами.

«Инсам» льется водопадом.

М. Капица:

-И вообще было бы не худо развернуть торговлю с Монголией.

Реакция молниеносна:

-Только при вашем участии.

Все это перемежается весьма сомнительными остротами и выражениями, вроде:

«Пусть у вас у всех стоит, как СС-20». «С разделяющимися головками» и т.п.

Нас провожают, «глубоко удовлетворенные» собой. У выхода вручают подарки – каждому по мороженому фазану в полиэтиленовом, из «Березки», пакете. Очевидно, тоже из запасов самого`.

7 февраля 1986 г.

Заседание коллегии. Первый вопрос: итоги визита в Японию. Докладывает Н. Капица, выступают Н. Соловьев и другие.

Краткое резюме Э.Ш.

-Стратегические задачи: нормализация отношений с Японией, противодействие ее милитаризации, ослабление американского фактора на основе учета японо-американских противоречий.

Мы почувствовали, что и японская сторона заинтересована в нормализации отношений с нами. Они понимают, что территориальный вопрос не может быть решен в их пользу и тем не менее идут навстречу нам, в т.ч. – в сфере научно-технического сотрудничества.

Японцы – люди дела. Нам надо думать о результативности наших совместных проектов и следить за ходом их осуществления.

Необходима структурная перестройка с упором на экономическую сторону дела. Сейчас она у нас отодвинута на задний план. Мы плохо разбираемся в экономической подоплеке внешней политики. Все японские дипломаты, начиная с министра, прекрасно подготовлены в этом плане. То же самое могу сказать о сотрудниках Госдепа США. Надо подтянуться.

В дальнейшем вести дело с японцами спокойно, не проявляя особой заинтересованности и не драматизируя возникающие осложнения, но на основе взаимности.

Держать под контролем реализацию комплексного плана, утвержденного ЦК, Политбюро.

Второй вопрос – о кадровой политике в МИД СССР. Рассматривается в свете постановления ЦК о ТАСС и вообще в потоке новых веяний.

Этот поток сносит начальника управления кадров И. Цыбукова. Хороший, говорят, человек, но – пешка в «сильных» руках. Эти руки властно набирали диктовали по телефону: этого – туда-то, этого – туда... В результате все растудыкалось. К этому был причастен бывший зам. По кадрам В. Стукалин и – забирай повыше.

Рассказы о звонках. Бывший парторг Грищенко патронировал некоему эскулапу, который за деньги сговаривался с желающими выехать в ту или иную страну, отдаривая за это «партбосса» саунами и гулянками. Один из его протеже дал деру в Турции, другой изготовился, но был схвачен...

Поток «самоочищения» сбивает с ног и посла в Заире Филатова, коего за систематические пьянки лишают ранга и «наказывают в партийном порядке». Величественное ауто-да-фе. Интеллигентного вида экс-посол кается в грехах как нашкодивший трусливый мальчишка. Тут может быть выстроена целая серия новелл о наших чудо-послах. Посол, торгующий яйцами в посольском кооперативе. Посол, командирующий шофера из Каира в Александрию – выгуливать своих собачек. Посол, приобретающий павлинов – дабы не отстать от собрата в Париже. Посол-среднеазиат, принимающий гостей в юрте и угощающий их пловом. Посол-маразматик, самодурствующий в целях увековечивания своего имени...

Поток анонимок из советских посольств: «А вот наш...»

12 февраля 1986 г.

Письмо Гиули Урушадзе-Хабейшвили - Э.Ш.:

«Прошу простить меня за то, что решаюсь оторвать вас от государственных дел. Но я решаюсь на это исключительно в силу убежденности в полной невиновности Сулико, никогда не изменявшего делу и друзьям, отчаянно тяжелого положения нашей семьи и особенно – вашего доброго отношения к моему мужу.

Если бы мы знали, что личный конфликт с Паташвили приведет к таким страшным последствиям... Сейчас, после XXVII съезда партии в Грузии ни у кого нет сомнений в том, что с моим мужем сводят личные счеты. Действуя методами 37-го года, вынуждают арестованных и гонимых оговаривать Сулико, обещая им смятение участи. Хула в его адрес передавалась по телевидению и радио, печаталась в газетах. Все, кто оказал нам сочувствие, изгнаны со своих постов.

У меня на руках три беспомощные женщины, дети. Как оградить их от несправедливости? Как сохранить веру в отца?

Мы находимся в полной изоляции. Гибнет замечательный человек, коммунист, семьянин. Помогите! Я прошу вас помочь добиться, чтобы дело С.Е. Хабейшвили расследовалось в Москве. Чтобы он мог защитить свое доброе имя...»

15 февраля

Письмо Гиули осталось без ответа. Где правда? В чем она?

Человек, сподобившийся счастья увидеть мир с вершин Кавказа или Памира, не может опуститься до взятки.

Это моя правда, мое понимание истины. Другая истина: человек, оглядывающий мир с высокого поста и осознающий свое бессилие, невозможность что-либо изменить в нем, призванный влиять на положение дел и неспособный делать это, вынужден опускаться до последней низости.

Я сам оказывался в такой ситуации: надо делать дело, а его не сделаешь, не найдя подходов к «нужному» чиновнику, не выбив из него необходимых для нормальной жизнедеятельности твоего коллектива вещей.

В «Литературке» описана история «преступника поневоле»: главный инженер какого-то треста, не найдя иных путей поправить положение, пошел на нарушение закона и оказался за решеткой.

Может быть, Хабеишвили – такой вот преступник поневоле? Его называют предателем, а на самом деле он предан бывшими соратниками, толкавшими его на преступления? И вся его вина в том, что кое с кем из них он вступал в борьбу за власть, самонадеянно положившись на покровительство самого сильного? А тот, вознесенный вдруг так высоко, что и не разглядишь, взял да и пожертвовал собственным клеветом?

Власть Кавказа во мне оказалась выше и сильнее власти обстоятельств. Над Хабеишвили восторжествовала эта, последняя.

25 февраля

Настала пора извлекать из запасников неслыханные давно слова, отмененные некогда понятия, обесцененные, казалось, усредненностью стереотипов мышления. Кстати, «мышление», «новое мышление» - наиболее популярная фраза в лексике нового руководства страны, демонстрирующего бесповоротный разрыв с прошлым.

Настала пора бури и натиска на состояние спячки, охватившей великую страну, скованную железами безмыслия и рутины. Проспав целое десятилетие, проворонив целую эпоху ломки традиционных индустрий, переводя их на новые технологии, она жадно ловит слова, сулящие ей обновление.

«Обновление», «новаторство», «прорыв на решающем направлении», «ускорение», «решительный поворот» - таков лексикон Политического доклада ЦК съезду.

Съезд, начавший свою работу сегодня, должен принять самые важные, на мой взгляд, в послевоенный период решения. Доклад, как пишет французский журналист, полон энергии. «Над Кремлем веют свежие экономические ветры» - замечает его коллега-комментатор французского телевидения. «Резко критический анализ положения в Советском Союзе свидетельствует о том, что с недавним прошлым покончено» - Рейтер. Он же: «Контраст с XXVI съездом КПСС разителен. Горбачев подверг резкой критике инертность и консерватизм, характерные для прежнего руководства». «Токио Симбун»: «Политический доклад изобилует такими терминами, как «ускорение», «переоценка», «совершенствование». Это обстоятельство наводит на мысль о стремлении советского руководства добиться качественного поворота в развитии общества. На съезде не было той атмосферы застоя, которой характеризовался предыдущий съезд, зав

ершившийся восхвалением руководства. Нынешний съезд можно назвать эпохальным, открывающим новый исторический этап в жизни страны».

Все это так, и я аплодирую вместе со всеми. Если съезд, его решения вырежут некротические участки нашего бытия, проветрят застойную атмосферу, в которой мы живем вот уже столько лет, если, в результате, нас не будет охватывать чувство стыда за родину, так далеко отставшую в своем развитии – и я назову это событие главным в нашей жизни. И в моей тоже.

На Западе Горбачева называют человеком из поколения «сердитых молодых людей» 60-х годов. Я тоже принадлежу к этому поколению, хотя «сердиться» начал только в конце семидесятых, больше нутром, чем разумом понимая, что страна катится по наклонной плоскости. И мне далеко небезразлично, что говорят и думают о ней в мире, какой видят ее, как живет ее детям, какой они получают ее от нас. Мне осталось очень немного деятельной активной жизни, но все что осталось – готов посвятить делам, которыми занялась «команда» Горбачева.

И здесь во весь рост передо мной встает вопрос: а что могу я? Реально, на практике, как и чем могу быть полезен?

Пока только литературной обработкой речей Э.Ш. Постыдно мало в такое время, ничтожно мало для человека, всю свою жизнь творившего мифы и легенды.

По сути дела, и сейчас я занят этим.

Вот уже неделю сочиняем выступление министра на съезде. Срок определен – 28 февраля. Каждый день он надиктовывает нам новые «куски» и все написанное еще вчера, - разрушается.

Он говорит, не скрывая:

-Я в затруднении. На прежней работе всегда знал, что могу, хочу и должен сказать. Здесь – пока не определился.

Уже сделано четыре варианта. Первый бесповоротно забракован. Остальные приняты как базовая модель. Стержень, «вертел» выступления – заявление Горбачева от 15 января, на него надо нанизать куски «мяса»:

- 1). наши отношения с соц. Странами;
- 2). третий мир;
- 3). СССР и США со всеми вытекающими из наших отношений выводами;
- 4). проблема демократизации международных отношений и т.п.

Тема, судя по всему, задана самим. Надо шаркнуть ножкой по его адресу, но сделать это изящно. Надо в новые мехи влить новое вино, не отказываясь при этом от приемов прежних виноделов.

27 февраля

Лавина критики и самокритики нарастает. Пока самым радикальным по тону было выступление Ельцина, первого секретаря МГК КПСС. Он задал множество риторических «почему?», поставленных с остротой проникающего в большую полость скальпеля, а ответил – не так, как надо бы. Обвинение предъявлено всего лишь скверно функционирующим работникам, живущим и мыслящим по старинке.

А я-то думал и думаю, что такой тип работников, преобладающий в нашем обществе тип, порожден объективными условиями нашей общественно-политической жизни. Он, этот тип, - ее порождение. Не изменив этой жизни, не изменить и самого ее делателя.

Вот и в докладе Горбачева застой в делах объясняется прежде всего «причинами субъективного характера». Да, мертвые фигуры «вчерашних», пирамида таковых, увенчанная брежневыми и черненко – это «субъективный фактор», но столь долгое их пребывание на вершине пирамиды – объективная данность. Только физическая смерть, только верхушечный переворот способны сбросить их оттуда. И вряд ли можно вытащить машину из болота, по самые колеса засевшую в нем, уповая лишь на энергию «человеческого фактора». Нужен хороший и современный механизм, исключающий саму возможность сидения у руля маразматиков либо неумелых водителей, благодаря которым машина либо буксует, либо катится к пропасти.

Какие решения на этот счет предлагает доклад? В чем видит выход из создавшегося положения?

Будут усиливаться централистское начало, функции централизованного планирования и управления. Иными словами, «демократический бюрократизм» сохранит свое господство, хотя в докладе и сделаны реверансы в сторону самостоятельности «мест» и предприятий, организаций и коллективов. Жесткий центр, конечно, необходим: ресурсы скудны, дефицит огромен, а при нашей безалаберности, бесхозяйственности, элементарной рабочей безграмотности распылить все ничего не стоит. Но как в условиях действия такого «центра» «развязать» интенсификацию производства, как в этих условиях превратить производителей в свободно мыслящих и действующих творцов - непонятно. Ускорение коснулось словесной сферы, но даже и здесь многое лепится по старым образцам. Во всяком случае, многие «заходы» и «зачины» прямо содраны из выступлений предыдущего съезда. И обнаруживается такая закономерность: речи «нижестоящих» - председателей колхозов, директоров предприятий и объединений, врачей, учителей, доярок – куда более дерзки, умны, революционны, нежели выступлений партийных боссов разного масштаба и достоинства.

Газете «Правда» нагорело за статью «Очищение», главным образом – за фразу: «...Между Центральным Комитетом и рабочим классом все еще колышется малоподвижный, инертный и вязкий «партийно-административный слой», которому не очень-то хочется радикальных перемен».

«Правде» нагорело не только в выступлении главного «идеолога ускорения» Е. Лигачева, но и других, районной и областной важности «царей».

«Правда» сказала не всю правду: этот малоподвижный и вязкий слой - порождение самого Центрального Комитета, и он, этот слой, держит на себе ЦК, поддерживает и подпитывает его. Он, этот слой, образовался благодаря системе стопроцентно феодальной иерархии, на верхнюю ступеньку которой выбиваются самые гибкие, дерзкие и решительные представители его.

Ум и воля Горбачева, осознание им грозящей опасности, готовность и решимость действовать вступают в противоречие с реальностями «партийно-административного феодализма», и они не в силах отменить его. Потому что разрушить эту систему – значит замахнуть на «мать родную», на колыбель свою, пустить ее на слом и смоделировать нечто действительно демократическое – значит добровольно отказаться от власти, поколебать или вовсе лишиться ее.

Ускорение коснулось словесной сферы, но на том ее «сегменте», где обычно буйным цветом цвели насаждения культа личности – оно, ускорение, притормозило. Здесь, во всяком случае, порожденный «феодализмом» вассалитет держится скромно, уходя в тень развязанной по приказу свыше критики.

Тем не менее Э.Ш. включает в свое завтрашнее выступление замысловатый гимн в честь лидера. «Доклад М.С. Горбачева – это политический портрет нашей партии, нашего народа, самого Генерального секретаря. Высказанные в докладе мысли, идеи, принципы, раздумья – это его мысли и идеи. После апрельского Пленума он буквально живет ими...»

Сегодня ночью нам не спать. Слепленное под диктовку самого оратора выступление окончательно развалилось к 8 ч. вечера. Оратор читал, хмурился, черкал и резюмировал: «Нет выступления». Потом мужественно признал: «Наверное, в этом виноват я. Слишком много захотел втиснуть». Расплачиваться за это мне с Тарасенко.

28 февраля

Выступил. Говорят – ничего, кое-где сбился, но осанну пропел вдохновенно. В официальную публикацию она не войдет. Оратора не осаживали, а вот Леву Кулиджанова – осаждали.

Вечером М.С. позвонил Э.Ш. и пожурил его за культличностное выступление.

1 марта

-Ты помнишь, я сам пресекал подобные мотивы – это он мне, своему вассалу, отлично понимающему, что феодальный вожизм уже в силу вертикальности самой системы должен существовать на всех ее уровнях.

Итак, если кто и пресекает курение фимиама, то только сам обкуриваемый. Только он волен и властен пресекать, и здесь он непререкаемый суверен.

-Но я сказал ему, что страна и партия должны знать: у нас – такой секретарь, умный. Работающий, сам формулирующий и перелагающий на бумагу свои идеи. Мы ведь привыкли к неработающим лидерам. Пусть люди порадуются.

Завтра день рождения М.С. 55 лет. Мы с Тарасенко сочиняем пламенное поздравление. Что-то вроде того, что «прожитые годы – еще не жизнь, а послужной список – еще не судьба, если ты не горишь сам и не зажигаешь других...» Или: «Апрель 1985 года принес весну Великой России, другим братским народам. Сегодня, в начале марта 1986-го весь мир видит, как торжествует она».

-Очень хорошо! – умиротворенно произносит Э.Ш. У него увлажняются глаза, он искренне переживает трогательность «своих» слов.

А мы – я, во всяком случае – думаем о весне, которая как была, так и осталась несбыточной мечтой.

2 марта

Физкультурно-спортивный праздник в «Олимпийском» - для делегатов XXVII съезда. Коллективный портрет хозяев страны, соль земли нашей. Какие лица, какие телодвижения, лесенки, позы! И с ними – на ускорение?

17 марта

В Польшу, Полонию, Речь Посполиту. У меня много оснований для того, чтобы с особенно пристальным вниманием всматриваться в эту страну, желать встречи с ней. Ту-154. На таком летаю в Тбилиси. 2 часа 10 минут. Ровно столько же до моего города. Я туда не скоро полечу. Зато лечу в Варшаву, тоже на редкость знакомую, близку и в чем-то – дорогую.

Вчера вечером Юра Орлик читал мне из книги польского партийного публициста Р. Вайны «Разговор с отцом»: На протяжении двух веков наше национальное сознание подогревалось одним лишь фактом противостояния России (царской). Под наполеоновскими штандартами мы сражались против всех трех участников раздела Польши, но в первую очередь – против России.

Поляки, за редким исключением, проиграли все восстания. Однако, вопреки реальности, ни разу не сделали из этого здравый вывод, и каждый раз прославляли безрассудство отчаяния, приводившее к поражению.

Мы такие, какие есть благодаря двухвековой борьбе с царским самодержавием...»

Вчера в Польше были повышены цены на хлеб, мясо, масло, молоко. Когда-то это был достаточно веский повод для очередного мятежа.

Летим над болотами. То ли Полесье, то ли Мазуры. Земля под нами выдает свое болотное происхождение вспышками солнца в зеркальцах льда, оковавших заснеженные кочки.

Ближе к Варшаве снег уходит с полей, обнажая борозды осенней зяби.

Здесь уже весна. Яркое солнце, безоблачно синее небо, женщины в легких пальто.

Вереница «Полонезов»растягивается по шоссе. Это не въезд в Токио, но это тоже впечатляет – безлюдьем, затаенной враждебностью «окружающей среды».

Резиденция на Парковой, рядом с Лазенковским парком. Запущенные особняки, послезимнее запустение во всем, молодые солдаты Войска Польского в новеньких зеленых шинелях, с автоматами Калашникова – у входа, у калиток, у каждой виллы. Демонстративная забота о безопасности. «Солидарность» не исчезла, лишь ушла в подполье.

Сейчас начнутся переговоры с польским коллегой Э.Ш. Ожеховским, а вечером – «протокол», обед, который дает Ожеховский. В речь Э.А. «заложили» фразу из М. Конопницкой: «...сомкнет нас в тесное кольцо свободный дух, который вечен...»

Стихи XIX века. Всяк читает и распевает их на свой лад. Пели в войну, сегодня поет «Солидарность».

Как быть? Решаем: классика выше подозрений в политическом подыгрывании кому бы то ни было.

Переговоры с Ожеховским. Весьма квалифицированно, на мой взгляд, поляк изложил позиции ПНР.

-Мы рассматриваем XXVII съезд как попытку усилить гуманистическую сущность социализма, повернуть его к людям. Съезд – ответ на вопрос, что такое творческий марксизм-ленинизм. Есть два пути к нему: можно обратиться к набору цитат из Ленина, а можно – к методу его мышления.

XXVII съезд ответил и на многие наши вопросы.

Далее – высказывания на традиционные темы польско-советского сотрудничества, заверения в стремлении внести возможно больший вклад в реализацию заявления от 15 января.

По существу. Польша очень болезненно ощутила на себе политику дифференцированного подхода США к социалистическим странам.

Албания. Недопустимо, чтобы она выпала из семьи братских стран. Мы ведем здесь активную политику, ибо в этой стране у нас больше возможностей для такой политики.

В отношениях с рядом стран Западной Европы появляются новые элементы, свидетельствующие о преодолении изоляции. Много тому причин. Продолжается процесс внутренней стабилизации в нашей стране. Оппозиция слабеет. Укрепляются позиции в нашем содружестве, его отношения с СССР. Все это сигнализирует Западу о том, что рассчитывать на изоляцию Польши ему не приходится.

Дискриминация США Польши так же ослабевает. Американцы видят, что их политика в отношении нас устаревает. Много дал нам XXVII съезд. В США увидели, что Польша – уважаемый партнер СССР и соц. содружества.

Американские сановники и журналисты льстили тов. Ярузельскому во время его пребывания в США осенью прошлого года. Мы это расценили как позитивный сигнал (я-то помню другое: портреты генерала на столбах, подпись: «Разыскивается убийца собственного народа...»)

Мы за нормализацию отношений с США, но без каких-либо предварительных условий (национальное согласие, освобождение политзаключенных, диалог с костелом).

И т.д. и т.п.

Обед, то бишь - ужин. Все, как в лучших домах. Узкий круг. Красноливейные официанты. Темная живопись старых мастеров. Сосед Влодзимеж Наторф, посол ПНР в СССР, и какой-то Рышард, шеф департамента печати МИД Польши, разговоры о том, о сем – больше о поэтах и поэзии, женах-грузинках (у Наторфа – Уридия из Очамчире) и женах-польках (якобы у меня).

Обмен тостами. Наш звучит совсем недурственно, особенно Конопницкая и поэзия в политике (Ожеховский задумчиво кивает), кофе, коньяк и – расстаемся до утра.

18 марта

Строчка из Конопницкой, упоминание ее самое, поэзия в политике – выпали из польских версий речи Э.Ш. в местной печати. Зато обыграны другие «изюминки», например, «Штандармлодых» вынесла в заголовок «Союз сердец».

Утром Э.Ш. поехал к генералу. Остальная команда мечется в поисках машин, чтобы добраться до могилы Неизвестного солдата, где должно состояться возложение венков.

Солнечное весеннее утро. Славная поездка по городу. Уяздовская аллея, Краковское предместье, Новый Свет – читаю названия улиц и радуюсь, как старым знакомым.

У павильона, где расположена могила Неизвестного солдата – выстроен почетный караул.

Рослые парни в конфедератках. На противоположной стороне – нестройная толпа варшавян.

Волнительная церемония возложения венка. Сначала – наш гимн, затем - польский и – церемония поклонения польскому флагу. Здесь, под этими сводами – все: и Герои «чуда на Висле», и мученики Армии Крайовой, и их «соперники» из Армии Людовой. Здесь – Вестерплатте и Варшавское восстание, освобождение руин героического города и жолнежи первой, сформированной на Оке, Армии Войска Польского.

Э.Ш. подходит к варшавянам, заговаривает с ними. Хмурые улыбки в ответ. Переводит Наторф. Разговор не получается.

Та же церемония у обелиска на кладбище советских воинов. 28 тысяч солдат и офицеров похоронено здесь. Из 600 тысяч, погибших в боях за Польшу.

С трудом сдерживаю слезы. Вот как расслабли слезные железы!

После обеда – осмотр Королевского замка в старом Мясте. Великолепие покоев, залов, галерей, замечательный Каналетто с видами Варшавы, в памяти всплывают фрагменты из Брандыса о Понятовском. Ларец с сердцем Костюшки.

Вечером делегация едет в Большой театр на «Балеты Альберто Мендеса», я же с Тарасенко запираюсь в посольстве сочинять интервью Э.Ш. для Польского агентства Печати (ПАП). Работаем до двух ночи.

19 марта

Утром, перед началом заседания Комитета министров иностранных дел Варшавского договора, заезжаем в общество польско-советской дружбы.

У входа встречает крепкий старик с обликом ветерана многих войн. Станислав Вроньский, председатель правления общества. Комбатант. Искренний друг наш.

-Вы хорошо сказали, что наш союз – это союз сердец. Мы действительно ощущали их биение в трудные для нас дни. Все сидящие за этим столом получали письма от советских людей и тем держались.

Вспоминает о своих приездах в Грузию, о своих грузинских соратниках, называет фамилии Джанджгава, Бакрадзе, Гобелашвили, Енукидзе, похороненного в одной братской могиле с русским Иваном и поляком Юзефом.

-Наш союз – союз чести. Мы должны опровергнуть лживую историю.

Вот то, что я хотел сказать стоя. Мы уже закаленные, обстрелянные бойцы, мы многого стоим. Говорит о XXVII съезде.

-Показуха – конденсация подхалимства, бюрократизма, лакейства. Мы не должны работать на показ – без шума, но до сердца.

У нас трудная аудитория, но мы не жалуемся. Опыт приходит только на поле боя.

Умеющий обращаться с оружием – еще не солдат. Солдатом он становится только в бою.

Ответное слово Э.Ш.

-Мы гордимся тем, что у нас такие друзья. Разрушать – большого труда не надо. Строить – труднее всего. Вы – строите.

Современный человек – сложное создание. То, что вы предлагали ему тридцать лет назад, сегодня его не тронет.

Самое главное для нас сейчас – активная работа с молодежью. Молодые найдут общий язык.

В вестибюле, где Э.Ш. молодая женщина вручает цветы, Вроньский шутит:

-Польки любят грузин.

Э.Ш.:

-Грузины тоже любят их.

Заседание КМИД. Дело происходит в импозантном белоколонном зале Дворца Совета Министров Польши. Здесь был учрежден Варшавский Договор, здесь же он был продлен. П-образный стол, семь делегаций, заседание открывает Ожеховский, приветствует нашего министра и румына Илие Ведува, впервые возглавляющих делегации своих стран на заседании.

Выступает Э.Ш. Все, что он говорит – знаю наизусть. Слушают его хорошо, сочувственно, с благодарностью за самокритику и очевидный демократизм. За новый стиль отношений с коллегами.

Занятно выступление румына. Он говорит о переходе своей страны к «высшему этапу социального и экономического развития». Это – Румынии, где прошлой зимой температура в жилых домах не превышала 16 градусов тепла – по приказу свыше!

Ну, да бог Николае с ним! Румынская амбиция? Нет, румынская нищета велит Ведуве дополнить горбачевский план требованиями замораживать военные расходы, ликвидировать все военные базы и вывести иностранные войска с национальных территорий, а затем – упразднить и противостоящие военные блоки.

После перерыва на следующее заседание не иду. Сажусь с Сергеем Тарасенко дорабатывать интервью для ПАП.

Интервью принято. С Олегом Лосото, корр. «Правды», и Олегом Харченко, пресс-атташе нашего посольства, отправляюсь в театр «Сирена» на спектакль «12 стульев».

Синтетическая импровизация на темы Ильфа и Петрова. Чуть-чуть секса, чуть-чуть политики во вставных номерах, на которые зал реагирует острее, чем на спектакль.

Все равно – спасибо за психологическую разрядку, за возможность пообщаться с поляками, окунуться в атмосферу их гордого и бедного быта.

20 марта

Прогулка по СтаруМясту. Исповедальня в костеле. Старый ксендз и молодой прихожанин. Кафе. Три девушки за соседним столиком, косые, быстрые взгляды в нашу сторону.

Читают листовку. Очарование барокко и позднего Возрождения. Гордая бедность непокоренного города. Монашки. Ксендзы. Запоздалое солнце.

Едем за Вислу. Толкучка. Проститутки. Спекулянты. Перекупщики. Варшавское Дно. Тем сильнее потрясение от костела Костки, от могилы Ежи Попелюшко, стены с надписью «Бог и отчизна», коленопреклоненных пилигримов, стендов с фотографиями крестного пути этого 37-летнего ксендза, убитого тремя сотрудниками милиции. Они сделали из него мученика, святого. Провокация? Расчет на подрыв стабилизации? Кто их знает?

Только остается фактом то, что Ежи Попелюшко – народный герой, вставший в один ряд со всеми, кто сражался с восточным соседом и погиб под его железной пятой.

Улетаем домой. Увожу с собой горькое щемящее чувство неразрешимой драмы.

20 апреля

Месяц без строк, но не месяц безделья.

Сегодня смотрел с Адой фильм Алексея Германа «Проверки на дорогах». Лента пятнадцать лет пролежала на полках и успела сделаться вторичной. Но даже после фильма Ларисы Шепитько «Восхождение» и того же Германа – «Мой друг Иван Лапшин» - он потрясает. И нетрудно представить силу его воздействия, появившись он вовремя, к нужному людям часу.

Нетрудно себе представить, как пошли бы дела страны, появившись вовремя, к нужному ей часу толковые, деятельные, нетрусливые люди.

Они пришли с опозданием, как этот фильм, уже успев растерять и растратить столь необходимую державе энергию.

Целое поколение было выключено из активной общественной жизни страны на самом пике своего динамизма, одаренности, способности изменять дело к лучшему. И в этот же период страна застыла, начала отставать в гонке индустриальных держав мира и пришла к рубежу восьмидесятых второразрядной системой с самыми мощными мускулами войны.

Это время пришлось на царствование Леонида Бровастого. Эпоха советской распутищины. Играя на тщеславии, наградолюбии, нравственной распущенности Генерального полупаралитика, средние люди захватили власть в стране и принялись удушать ее своей серостью. У подножья трона пробились цветочки коррупции, потом пошли чудовищные плоды ее. Чурбанов, муженек б. Галины Брежневой, отец и сын Щелоковы, Тяжелников, присные и приписные, под звон золотых звезд героя, вешаемых на немощную грудь Ленки, играли в свои мерзкие игры. Разврат стал уделом самых ловких, а сравнительно порядочные заразились от них политическим сифилисом, прогнили до нутра.

Одни из них генеральствуют поныне, другие - сидят в тюрьмах и лагерях. Сегодня сообщили из Тбилиси: Теймураз Бадурашвили загремел на 15 лет. Феномен этого «министра культуры» стал возможен в стране, где т.н. демократический централизм делает фигуру на вершине пирамиды – богом. Чем ближе подберешься к нему, тем больше тебе благ.

Теперь времена изменились, и он сидит в тюрьме. Но изменились ли времена настолько, чтобы исключить появление питательной среды, на которой произрастают такие поганки? Нет. Ибо т.н. «демократический феодализм» не ослабевает, а укрепляется.

Вчера спорили с Э.А. Он говорит: «Демократизация нам нужна как клапан, чтобы привести в действие здоровую социальную силу».

Мы ему: «Через клапаны выпускают избыточный пар. Чтобы котел не взорвался».

Чтобы котел не взорвался и чтобы его усовершенствовать, так, чтобы система стала хоть немного конкурентоспособной в противостоянии Западу, XXVIII съезд открыл кое-какие клапаны. Мы ускоряемся, пытаюсь вылезти из болота, в которое сами себя же и загнали. Болото – плохая стартовая площадка для ускорения. Но демократизация продекларирована, неизвестно лишь, какой у нее базис.

Однако кое-что кое-как срабатывает. В газетах полно критики. И на пленуме московских кинематографистов демократическое большинство забаллотировало киногоенералов – Кулиджанова, Бонадарчука, Ростоцкого.

Теперь посмотрим, как отреагирует на это руководящая и направляющая сила, организатор всех наших побед.

Либо проглотит такое, либо прикроет демократию. И то, и другое чревато. Первое – разгулом стихии, второе – недоверием, окончательным разрывом с интеллигенцией, с той самой, которая вдруг воспряла и поверила... Но без нее не ускориться.

Целый месяц я и Тарасенко сочиняли доклад Э.Ш. по ленинскому поводу. Работали в Серебряном Бору с бригадой ортодоксов ЦК. Дача ево ж. Вилла с образцовым пищеблоком, роскошными апартаментами главного «заказчика», теннисным кортом и номерами для сочинителей. Не Ким Ир Сен, но тоже ничего. Два раза в неделю – полупорнографические фильмы – «Элиза перед своими желаниями», «Этой полночью во вусеммире»... Был, впрочем, замечательный «Дантон» Анджея Вайды.

Сочиняли ни шатко, ни валко. Ленин – тема презанятная для недурака. А они работали как дураки, а мы, подобные им – имитировали работу, от которой нас оттирали. В последнюю неделю перенесли игру на половину МИДа и ускорились. Сочинили нечто внешне пристойное и относительно честное. Э.Ш. все пытался заложить фундамент нового культа личности, но А.Н. Яковлев, секретарь ЦК и главный идеолог – вымарал.

А тем временем Рейган шарахнул по Ливии и придурку Каддафи. Муамар уцелел, но расстрелял впустую наши ракеты со знаком качества. Мир ужасно разволновался, заклеил этого голливудского кретина позором, а ему хоть бы хны. Америка в эйфории – сила опьяняет.

-Оказались в изоляции Штаты, - говорю Э.Ш.

-Эх, если бы не Афганистан, - вздыхает он.

Афганистан – тоже порождение брежневской распутинщины. И не с кого спросить за этот кровавый позор, как не спросить с чиновника, положившего на полку «Проверки на дорогах».

22 апреля 1986 г.

Доклад во многом нивелированный, кастрированный, по словам Э.Ш. - вегетарианский – прочитан. Но и в этом выпотрошенном виде, как утверждают «в кругах», произвел впечатление. Докладчик заслужил высочайшее одобрение, благосклонности удостоилась his wife – от самой Р.М.

Любопытна процедура стерилизации. Доклад рассылается членам ПБ. По деланным им замечаниям можно судить о них самих, либо – что примерно то же самое – об их помощниках. Одни – весьма толковые, другие – «из нашего славного прошлого».

Показательно и то, чего они не трогают. Не тронули, например, строк о «посредственности, которой живет лучше новатора», «человечности, без которой человеческий фактор мертв», «ступени памяти – не ступени памятника» и других, дорогих мне, речений.

Если бы слова могли взрывать, я бы начинил их такой взрывчаткой! Если бы произносящий доклады решился произнести такие слова!
Слабое утешение – «абсолютно не дежурный доклад»...

25 апреля

Вчера был у меня Б.В. Никольский, второй секретарь ЦК КП Грузии. Подтвердил сообщение о Т. Бадурашвили.

-Был страшно доволен, что получил 15 лет, а не что-нибудь другое.

Рассказал о следствии по делу С. Хабеишвили. Тот подтвердил получение всех взяток, кроме «махарадзевской». Видимо, опасается «вышки» - взятка Телеишвили была самой крупной – 130 тысяч.

26 апреля

Звонит Резо Чхеидзе, грузинский генерал от кинематографии, «Отец солдата», «Твой сын, земля» и пр. и пр.:

-Тут такое дело: фильм Тенгиза Абуладзе не выпускают, лежит без движения. Тенгиз собрался телеграфировать Горбачеву, апеллировать к съезду кинематографистов – открывается 12 мая. Словом, нужен совет Э.Ш. – как быть?

Тенгиз Абуладзе снял фильм о «героях» тридцать седьмого года. Съёмки начались и закончились при Э.Ш. Тот посмотрел, сделал несколько замечаний, предложил «кое-что поправить». Абуладзе взялся за работу. Тем временем Э.Ш. стал министром иностранных дел СССР. Дрожа от нетерпения, Абуладзе сделал две видеокопии и кому-то показал. Настучали. Ректор Института управления народным хозяйством С. Кадагидзе и зампред Госкомитета по науке и технике И. Цискаришвили, содействовавшие Абуладзе в копировании фильма, были сняты с работы, получили по выговору в учетные карточки. Перед фильмом Абуладзе и вовсе зажегся красный свет.

Э.Ш. хмуро выслушал мое сообщение, хмуро сказал:

-Не буду вмешиваться в эту историю...

Потом, чуть смягчившись:

-Положение у меня деликатное. Видишь, я не вмешиваюсь в наши кадровые дела (намек на учиненную Патиашвили «рубку лозы»). Что же касается телеграммы Горбачеву, то это не путь...

Понизив голос: -Между нами говоря, М.С. знает об этом фильме. Нет смысла сейчас ставить вопрос о выпуске его на экран. Много требований о партийной реабилитации – Молотова, Кагановича, даже Бухарина. Занявшись этим делом, мы запутаемся в прошлом, вместо того, чтобы выпутываться из настоящего... Короче, сейчас не время ворошить прошлое, и Абуладзе вряд ли чего-нибудь добьется. Скажи ему, пусть повременит. Сказал: сначала – Резо, потом – Тенгизу, позвонившему из Тбилиси. Но не это суть важно. Самые примечательные моменты разговора: «Я не вмешиваюсь в кадровые дела» и – «не время ворошить прошлое».

Не время? Оно, прошлое, хватает, держит нас миллионами мертвых рук.

30 апреля 1986 г.

Они ничего не поняли, наши вожди. Не сделали никаких выводов из прошлого. «Уроки правды» XXVII съезда оказались преподанными для дурачков.

26 апреля на Чернобыльской атомной станции произошла авария. В тот же день в Швеции зарегистрировали превышение допустимой дозы радиации атмосферного воздуха. Кинули к своим АЭС, проверили – все в порядке. И запросили нас, своих соседей: «А не у вас ли?» Нет, не у нас – заверили мы.

Тем временем радиоактивное облако «накрыло» братскую Польшу. Посол Наторф кинулся за разъяснениями в МИД. Его никто не принял. Тем временем залихорадило всю Скандинавию, затем – всю Европу. Запросы и просьбы разъяснить происходящее

сыпались все воскресенье и понедельник, пока, наконец, сегодня в скупом сообщении мы не оповестили мир о взрыве на Чернобыльской АЭС.

Этот взрыв характеризуют как самую крупную аварию в истории атомной энергетики. Этот взрыв подрывает веру в возможность кардинальных перемен в нашей стране. «Новое мышление» не совладало с грузом прошлого – мы полезли в логово секретности, пряча правду и от собственного, и от других народов. Несколько суток молчали, игнорируя опасность для жизни и здоровья миллионов людей и заговорили лишь после того, как были уличены в преступном замалчивании катастрофы.

Ее подлинные масштабы неизвестны. Но мне они представляются огромными. По-прежнему великая страна уличена в неискренности. По-прежнему ее руководители скрывают правду от собственного народа. По-прежнему попираются великие принципы, провозглашаемые с высоких трибун и по высоким поводам. Только-только - вопреки Афганистану – начавший складываться положительный образ державы – разрушен взрывом в городе Чернобыле, где погибло, по нашим заявлениям, «всего» два человека и госпитализировано «всего» 197.

Разрушена вера в возможность перелома, ведения дела по-новому, отказа от прежних методов и стереотипов.

«Мы категорически выступаем против тех, кто ратует за дозирование социальной информации: правды не может быть слишком много». Это было сказано 22 апреля. А спустя четыре дня правду спрятали в бездонные сейфы секретности.

О каком ускорении ведут речь? О какой перестройке сознания?

Разговор с Э.Ш.:

-Где правда и кто прав? Мы? Они? Почему так небрежно обращаемся с собственными установлениями? Почему расшатываем устои?

-Я устал от всего этого. Устал доказывать, что нельзя молчать.

Спасибо на этом. Только никто теперь не убедит меня в том, что можно вытянуть страну из болота.

2 мая 1986 г.

Разговор с А.И. (?) Утверждает, что Джумбер Патиашвили действует в Грузии по указке самих сильных мира сего, чтобы дать им в руки короткий поводок для Э.Ш. Дело Хабеишвили – лучший козырь против него: веди себя тихо, а не то...

Похоже на правду.

3 мая

Лишь сегодня, спустя неделю после катастрофы в Чернобыле, Рыжков и Лигачев побывали на ее месте. И вчера же ЦТ провело опрос граждан по поводу «провокационной и пропагандистской шумихи» на Западе в связи с аварией на нашей АЭС.

Какая безнравственность! От людей скрывают настоящее положение дел и в то же время требуют осуждения более или менее достоверной информации.

8 мая

Беседовал с Тенгизом Абуладзе, кажется, успокоил его. Он рассказал мне о фильме – притчеобразная история с намеками на Л.П. Берия. Естественно, А.Н.

Инаури(председатель КГБ при Совете Министров Грузинской ССР в 1954-1988 годах) доложил своему московскому шефу о том, что Абуладзе снял антисоветский фильм, информация соответственно – пошла выше.

Бенкендорфы и Аракчевы – и те не полагались на свое непросвещенное мнение, не осмеливались вот так, по навету полуграмотного жандарма, упрятывать искусство в темницу.

Новый замысел Абуладзе: сделать фильм о Чавчавадзе по двум его произведениям: «Человек ли он» и «Отшельник». Низ и верх человеческого бытия. Плоть и дух. Шкала, отмеряющая нравственные константы человеческого бытия.

Позвонил Дато Кипиани. Такой вот неожиданный сигнал из прошлого. Вчерашняя «звезда», закатившаяся в темную и пыльную щель республиканской прокуратуры. Прокурор отдела общего надзора – когда-то уникальный, неповторимый, ни на кого не похожий Дон-Кихот грузинского футбола – Давид Кипиани.

-Не знал, что ты на новом месте и позвонил в Грузинформ. Там мне и сказали, где тебя искать.

Последний раз видел его на стадионе «Локомотив» в Тбилиси, во время тренировочного матча «Динамо». Положение команды было плачевным. Кипиани еле кивнул мне. Что ему понадобилось сейчас?

-Ты так хорошо написал обо мне!...

Попав в безвестность, бывшая звезда ищет глаза, когда-то любовавшиеся ею.

9 мая

День Победы. Стадион в Останкине. Мальчики играют в футбол. Пятнистые мячи вращаются в небе – спутники их безбедного отрочества. Сорок один год назад мне было десять лет, и я мечтал о настоящем футбольном мяче. У меня не было мяча, но была гордость за мою страну, победившую фашизм.

Прожитая жизнь. Десятилетние мальчики стали пожилыми мужчинами, приблизились к рубежу старости, а гордость покинула их вместе с молодыми силами.

Бью по мячу, и в ногу отдается боль. У меня болит все. Никудышные мы форварды, никудышные граждане страны, которую сорок один год назад благословляло человечество, а сегодня – проклинает.

Мы все делали на авось – революцию, социализм, машины, одежду, жилища – и это стало характером государства и страны. Все делали с пренебрежением к человеку и целым народам. Сегодня мы расплачиваемся за это. Чернобыльская трагедия предъявила жестокий счет – за все разом. И похоже, что мы, банкроты, не можем оплатить его. У нас нет средств – ни технических, ни моральных. И черт бы с нами – зачатые в грехе, греховные и грешные по самой сути своей, мы достойны исчезновения с лица земли – но есть другие ни в чем не повинные народы, есть, наконец, человечество, которыми мы преступно пренебрегаем.

Дню Победы страна салютует выделениями радиоактивного пара, безуспешными попытками задавить очаг «Черносимы» тоннами песка и свинца.

Чернобыльскую АЭС построили в плодородном, густонаселенном районе. Построили вопреки возражениям руководителей Украины. Уже одно только это говорит о том, какова природа нашего строя, каков его характер – бесчеловечный, равнодушный к реальным человеческим чаяниям.

Ну, хорошо, АЭС строили при Брежневе и спрашивать вроде бы не с кого. Ну, а сейчас? С кого спросить сейчас за утаивание информации? За проведенную с 36-часовым опозданием эвакуацию жителей поселка АЭС и с недельным – райцентра? Кого заклеймить позором за положение, в котором страна оказалась сегодня?

-В борьбе с аварией на станции мы занимаем оборону, - сказал академик Велихов.

К несчастью, нашу позицию перед лицом мирового общественного мнения даже обороной назвать нельзя. Система выявила свою несостоятельность, и мы уже не можем скрыть это. Не можем еще и потому, что по нашей вине страдают – или будут страдать – миллионы людей, целые народы и страны.

На днях мы провели пресс-конференцию, но не сказали и слова о том, что больше всего волнует людей, не ответили ни на один вопрос, который они задают. И сколь бы эффективен ни был древний прием: «Ты сам дурак» - нам, если по совести надо принять

обвинения наших врагов. Мы сами вложили в их руки обвинительный приговор против самих себя. Все, что они говорят о нас, к моему горю – правда. Какими бы мотивами ни руководствовались – они говорят правду.

Самый крупный невоенный ядерный инцидент в истории нанес невосполнимый ущерб: нашей публичной дипломатии, атомной энергетике, сельскому хозяйству, отношениям с социалистическими странами, не говоря уж об отношениях с мировой общественностью.

Все, что мы с таким трудом строили целый год, начиная с апреля 1985-го - развалилось. И нам не так-то просто будет вернуть утраченные позиции (если это вообще возможно) в условиях непрекращающейся пропагандистской войны, нарастающей в связи с хроническим информационным голоданием и безуспешными попытками «задавить» очаг чернобыльского апокалипсиса.

«Советскому руководству не повезло со своей ядерной промышленностью. Неудача также постигла его лозунг, который повторяется целый год – необходимость перемен в области информации. Инцидент в Чернобыле поставил под удар всю систему информации этого режима» («Монд»).

«По политическим причинам заблокирована информация, которая могла бы смягчить последствия радиоактивных осадков для людей» (Польская «Солидарность»). Между прочим, тот же генерал Ярузельский выразил недоумение – почему нас не проинформировали? Действительно, почему? Но «Солидарность не щадит и Войцеха Владиславовича: «Мы не хотим погибать от лучевой болезни за государственные интересы генерала Ярузельского».

«Авария на Чернобыльской АЭС, независимо от ее истинной серьезности, является истинной катастрофой для Советского Союза – и в плане дипломатии, и в плане экономики, и в том, что касается образа Советов за рубежом... Авария – катастрофа с точки зрения отношений с западной общественностью, особенно – с западноевропейской...»

Арман Хаммер направил в Москву за свой счет профессора Гейла, специалиста по пересадке костного мозга.

Италия запретила продавать свежую зелень и овощи. Европейское экономическое сообщество ввело эмбарго на экспорт сельскохозяйственной продукции из соц. стран Европы.

Чернобыльская АЭС прогорает в самом прямом смысле слова – земля горит и под ней. Если это так, то возникает угроза водоносному слою, питающему Днепр. А это, в конечном итоге – десятки крупных городов, 50 миллионов жителей, бассейн Черного и Азовского морей, а там – и всего Средиземноморья. И господин Рейган получает возможность блеснуть нашей терминологией. Редко когда взаимозависимость современных промышленно развитых государств проявлялась более наглядно, чем в эти дни».

Хартман, вручая нам послание Рейгана с просьбой об информации и с предложением помощи, дословно повторил тезис М. Горбачева о взаимозависимом мире. Но: «Наряду с ядерно-технической катастрофой в Москве произошла и вторая – информационно-техническая. Московский информационный аппарат – такая же неудачная конструкция, как и реактора в Чернобыле» («Прессе»).

Задержав информацию о чернобыльском взрыве, мы поставили под сомнение как доверие к себе, так и нашу готовность пойти на любые формы контроля за ядерными испытаниями и разоружением.

Дайте отчет народу, кто и почему виноват. Объясните нам, что произошло. Мы чувствуем, что нас предали, нами пожертвовали.

«Москва проявила поразительную безответственность как гражданин мира тем, что не объявила немедленно и подробно о том, что произошло. Тот факт, что она воздерживалась от сообщений об аварии в течении нескольких дней, пока в Швеции не была проведена проверка рабочих на радиоактивность, означает, что она лишила общественность в Советском Союзе и соседних странах права принять простые меры предосторожности» («Крисчен Сайенс Монитор»).

-В Киеве все спокойно, - рассказал Толя Смелянский, проведший там четыре праздничных дня.

Четыре праздничных дня жителей Киева держали в неведении о происшедшем и лишь на пятый день стали предостерегать от молока и свежих овощей.

Это породило панику. Западные журналисты пишут о том, что в Киеве появились люди с язвами вокруг рта. Тот же Толя сообщил о приехавшей в Москву студентке – у нее язвы на ногах.

Быть может, все это чушь, но она возможна лишь в условиях дефицита информации.

Практика игнорирует теорию, ленинский тезис о массах, которые на все идут сознательно, когда знают все.

«Эта катастрофа свидетельствует не только о безнадежной и безответственной технической отсталости советской системы, при которой такая исключительно опасная ядерная установка была размещена посреди густонаселенного района, рядом с огромным городом Киевом. Под стать системе – международный скандал, состоящий в том, что мировая общественность и соседние с Советским Союзом европейские страны не получили никаких точных данных о причинах, размерах и потенциальных последствиях катастрофы».

Разве Советский Союз не провозгласил принцип гласности, т.е. открытой дискуссии? Эта новая гласность не выдержала первого же испытания.

Все красивые слова о сосуществовании оказались такими же пустыми фразами, как и формула об общем европейском доме. Советский Союз легкомысленно отравил этот дом ядовитым ядерным облаком.

На радиоактивных обломках в Чернобыле встает вопрос о будущем системы, с которой несовместима гласность» («Вельт»).

На апрельском пленуме М.С. Горбачев сказал о необходимости перестроить мышление людей. Чернобыльская трагедия – результат косного мышления, которое ни отменить, ни перестроить до тех пор, пока каналы информации будут действовать по иерархическому принципу, - в соответствии с принципом демократического централизма, пока тот, кто наверху – бог и царь, которого боятся прогневать дурными вестями и не спешат сообщать их.

26 мая

Сегодня, спустя месяц после аварии в Чернобыле, становится совершенно ясно, что ее масштабы выйдут далеко за черту тридцатикилометрового «круга ада» и за пределы нескольких месяцев.

Профессор Гейл, корректный, лояльный и осторожный в высказываниях американец, заявляет о ста тысячах жителей из пострадавших районов, которым пожизненно придется проходить медицинские освидетельствования. И даже в нашей печати не скрывают того, что эвакуированные не скоро вернутся в покинутые места. Иными словами, «чернобыльский синдром», войдя в историю и став ее частью, еще неопределенно долгое время будет оказывать воздействие на положение дел в стране и на наши позиции в мире. Минувший месяц не ослабил значимости главного, ключевого вопроса: почему с таким непрослительно большим опозданием информировали мы мир о случившемся.

15 мая по Центральному телевидению выступил М.С. Горбачев. Авария названа бедой, вызванной «наложением» нескольких непредсказуемых причин. Ничьей вины в этом нет. Люди вели себя героически. Как только стало известно о случившемся - оповестили

соседей. Черной былью Чернобыля воспользовалась западная пропаганда. Цель клеветнических инсинуаций – опорочить Советский Союз, его усилия повернуть вспять гонку вооружений, исказить его образ.

Практические выводы: продлеваем односторонний мораторий на ядерные взрывы – до 6 августа с.г., предлагаем разработать механизм международного информирования о происшествиях на АЭС с целью совместной борьбы с их последствиями.

Ответ дал Э.Ш.: -Помнишь, когда у нас в республике происходили какие-то чрезвычайные происшествия, мы задумывались, как сообщать в Москву. Нечто подобное произошло в Киеве. Не сразу разобрались, чуть промедлили, понадеялись на собственные силы... Это все инерционное мышление, стремление или желание жить по старинке...

Задумался надолго, потом сказал:

-Но я верю, что мы преодолеем это. Научимся говорить правду – говорить вовремя...

Верю, что мы достигнем намеченного, выйдем из этой истории с достоинством, наверстаем упущенное...

Это он о внешнеполитическом резонансе. Но как «наверстать» загубленные жизни, десятки тысяч разрушенных судеб, неопределенность, неустроенность существования множества людей, которых авария в Чернобыле лишила крова?

Западные критики считают, что «Советскому Союзу при помощи умелой пропаганды удалось возместить, по крайней мере – частично, ущерб, нанесенный его образу и новой политике «открытости». Внутри Советского Союза обращение к «культу героев», приравнивание тех, кто остался и умер на своем посту в Чернобыле, к героям второй мировой войны, отвлекло внимание от отсутствия объяснений со стороны властей» (Митчелл, ЮПИ). Этот же автор утверждает, что «русские извлекли определенный урок из того, что случилось, однако скорее в плане пропаганды и контроля за информацией, чем в плане ядерной технологии».

Насчет информации и пропаганды он прав. Чернобыль многому научил нас, и «звездные часы» в практике иных моих коллег подготовлены этой трагедией. Беспрецедентна откровенность, с какой мы ведем разговор об этом происшествии, хотя в репортажах и преобладают «отвлекающие» мотивы самопожертвования, людской чуткости и «чужого горя не бывает».

Если эта тенденция станет нормой, значит, жертвы Чернобыля были не напрасны.

И еще один возможный урок, имеющий принципиальное значение, поскольку он коренным образом перестраивает традиционное видение нашего места в мире и пределов возможностей нашей системы: события в Чернобыле проливают новый свет на проблемы ядерной энергетики, как на фактор международной безопасности. Они, по словам генсека итальянской компартии Натты, «побуждают отказаться от самонадеянного мнения о том, что можно идеальным образом решить все вопросы в рамках одной системы... Сейчас чувствуется менее однозначный и менее некритический подход, основанный на осознании того, что ни одну великую проблему, стоящую перед человечеством, нельзя решить в одиночку, - даже великой державе, идущей по пути социализма».

27 мая

23-24 мая в МИД состоялось совещание, обсудившее задачи министерства по реализации решений XXVII съезда. На совещание были приглашены все наши послы. Впервые в истории этого ведомства перед его коллективом выступил Генеральный секретарь ЦК. Месяц в компании Л. Менделевича, А.Слюсаря и С. Тарасенко я работал над докладом Э.Ш. Кроме того, сделал фрагмент для речи Генерального, написал вступительное и заключительное слово министра.

Он это совещание называет переломным событием и таковым, по-видимому, оно является, если, конечно, этот громоздкий аппарат можно будет переналадить на новый режим и принципы действия. Во всяком случае, речь М.С. и доклад Э.Ш. на это ориентируют.

Впервые видя и слушая М. Горбачева, не мог не обнаружить, что он импонирует мне. В первую очередь – откровенностью и прямотой высказываний, незакостеневшей человеческой речью. В память врезался такой пассаж: «Мы слишком долго эксплуатировали терпение нашего народа». Больше веры ему, если он скрывает того, что «стратегия нам ясна, а конкретная тактика пока не определена». Он позволил себе прямо сказать, что наша неуступчивость в вопросах внешней политики не была оправдана и обеспечена внутренним положением. «Пора отказываться от клички «Господин «Нет». Текст речи был подготовлен заранее, но говорил он так, словно каждая фраза рождалась только что, как результат напряженной внутренней работы, и это тоже сильно подкупало. Совещание оказалось зеркалом, четко отразившим физиономию советской дипломатии. Есть в ней черты привлекательные, даже красивые, а есть – отталкивающие, уродливые. Косметическая хирургия здесь бессильна, необходимо формирование новой сущности. ТАСС крайне скудно проинформировал о совещании. Тем более повышенный интерес проявили к нему на Западе, тот же час смекнув, что имеют дело с чем-то незаурядным. «Советский руководитель М. Горбачев выступил на конференции в Кремле, посвященной внешнеполитическим вопросам. По мнению корреспондента Би-Би-Си, это выступление свидетельствует о том, что разработкой важнейших внешнеполитических вопросов будет заниматься КПСС, в то время как МИД будет поручено заниматься второстепенными вопросами...» (Би-Би-Си).

Этот мотив неожиданно всплыл на совещании. Посол СССР на Кубе А. Капто призвал «учиться у друзей, которые все важнейшие внешнеполитические вопросы прорабатывают в отделах своего ЦК». Это было покушение на престиж и независимость ведомства. Э.Ш. ответил отповедью, сорвавшей лавину аплодисментов.

«По мнению специалиста по славянским и восточноевропейским вопросам, выступление М. Горбачева следовало бы расценить, как критику чрезмерного увлечения в последние десять лет отношениями с США, что оказывало доминирующее влияние на все другие аспекты внешней политики СССР» (Би-Би-Си).

Действительно, Горбачев сказал, что «министерство чересчур американизировано». Корреспондент итальянской «Коррьере делла сера» подметил необычность этого совещания: «Если руководство сочло необходимым войти в прямой контакт с дипломатами и провести беспрецедентное совещание, то это означает, что оно должно сообщить им что-то срочное и важное. Об исключительном значении совещания свидетельствует положение лиц, принявших в нем участие, и темы, на нем поднятые: глубокий и детальный анализ международной обстановки в целом и в различных «горячих» точках, сопровождаемый подведением итогов, не исключая критику дипломатической деятельности... Москва делает упор на повышении активности и эффективности дипломатии, чтобы изменить образ СССР в мире и усилить на разных фронтах мирное наступление».

И это верно. «Совещание знаменует собой начало глубокой перестройки МИД СССР, цель которой сделать советскую дипломатию более оперативной и эффективной» (Франс Пресс).

Наконец, совещание не осталось незамеченным и политическими лидерами. По утверждению японской «Асахи», «Абэ обращает большое внимание на сделанное М. Горбачевым 23 мая заявление о готовности советского руководства подвергнуть пересмотру советскую дипломатию. Он в этой связи попытается выяснить, какие изменения вызовет такая позиция СССР в его дальнейшей дипломатии в отношении Запада».

В личном плане для Э.Ш. совещание означает завершение периода становления его как министра, укрепление его позиций в самом министерстве и в руководящей верхушке, мандат на дальнейшую перестройку и модернизацию устаревшей технологии ведомства.

Вечером 25 мая вызвал к себе, поблагодарил, высказался в том смысле, что сейчас чувствует себя увереннее и верит в возможность создания крепкого коллектива с действенным «мозговым центром».

15 июня 1986 г.

Неделю назад покончил жизнь самоубийством Мамука Асланикашвили, первый секретарь Кутаисского горкома партии. Ему было тридцать семь лет.

Криминальная схема: в Грузии работает бригада ЦК КПСС, знакомится с ходом «перестройки». В Кутаиси руководитель группы беседует с Мэри Пачуашвили, одним из секретарей райкома партии.

-Никакой перестройки нет, - говорит Мэри проверяющему. – Зато сильно возрос бумажный поток...

Соответствующая докладная была подана М.С. Горбачеву. Тот позвонил Патиашвили:

-Что у вас происходит?

Разгневанный Патиашвили призвал к ответу кутаисцев. Долго и квалифицированно избивал их на заседании бюро ЦК. Говорят, после бюро Мамука сказал в сердцах:

-Нельзя ведь так, в конце концов!

Вернулся в Кутаиси, созвал соратников, сообщил им о выводах бюро, наметил «план мероприятий», распустил людей и заперся в своем кабинете.

В 8.30 вечера позвонил Т. Лордкипанидзе, заведующий отделом ЦК. Они поговорили двадцать минут. В 9 часов в кабинете Асланикашвили раздался выстрел.

Мамука на грузинском политическом небосклоне был восходящей звездой. Очень молодым был избран вторым секретарем ЦК комсомола республики, потом возглавил Зестафонский горком партии, энергично взялся за очистку здешнего воздуха от ядовитых выбросов местного ферросплавного завода и других примесей, увенчал эту кампанию грандиозным народным праздником, после чего оказался в Кутаиси, кроме первого секретаря – традиционном трамплине всех вождей этой маленькой скомканной страны.

И вдруг – эта «точка пули» в незапланированном конце.

Асланикашвили был фаворитом Э.Ш. Как и некоторые другие, ныне оказавшиеся либо за решеткой, либо в опале. Исключение составляют лишь те, кто открыто и беззастенчиво изменил прежнему идолу.

Спросил у него, знает ли о самоубийстве Асланикашвили.

-Знаю. Не знаю только, как это все объяснить.

Знает, но не говорит. И я знаю.

-Сегодня беседовал с Патиашвили. Он как-то невнятно все объясняет. Какая-то подозрительность...

Отношение выученику и бывшему клевету проявляется достаточно определенно.

Джумбер – марионетка, которую кто-то заставляет дергаться. Хуже, что это параноидальная марионетка, одержимая страхом и насаждающая страх. И этим многие пользуются.

20 июня

Приезжал Отар Черкезия, премьер грузинского правительства. Испросил у него аудиенции – поговорить о Бичико Саджая, подвергшимся гонениям после моего ухода из агентства.

Обещал оборонить, поддержать, помочь. Спасибо на том.

Спросил о самоубийстве Асланикашвили, о возможных причинах «наложения рук на себя».

-Не знаю, - твердо сказал премьер, отличающийся словоохотливостью. – Чего не знаю, того не знаю.

Кое-что, однако, все-таки знал. В Кутаиси арестовали одного горкомовского зава и начальника управления торговли. Ниточка к «первому» не потянулась, но Асланикашвили сказал Патиашвили, что мог бы подать в отставку.

-Не надо, - якобы ответил тот. – Если за тобой ничего нет – работай, как работал.

В Тбилиси, на заседании бюро ЦК, Асланикашвили явился вооруженным («Ну и чудеса в этой Африке»), не делая из этого тайны.

-Мне он всегда казался неуравновешенным и крайне честолюбивым, - сказал Черкезия, - но вряд ли до такой степени, чтобы застрелиться в одночасье...

Андрей Михайлович Александров-Агентов, бывший помощник Брежнева и Черненко, ныне – советник Э.А. Маленький яйцеголовый человечек, остроносенький и остроумный, большой своей очевидной образованностью, классический тип русского интеллигента.

Цитирует Шекспира, С. Черного, демонстрирует глубокую осведомленность в современной драматургии. Но интеллигент ли он опять-таки в классическом понимании? Работал с Леонидом Ильичем, Бровастым самодержцем – не корежило от его глубинного невежества?

Спрашиваю: -Как Леонид Ильич относился к Шекспиру и к Вашим знаниям в области шекспироведения?

-Никак. Вряд ли это его могло занимать.

Задумываюсь: как истинный шекспировед мог уживаться с такой фигурой? Как они «монтировались»?

М. Горбачев – на июньском (1986 г.) Пленуме ЦК: «Минувшее после съезда время и последние события со всей убедительностью подтверждают принципиальное значение урока правды, о котором говорилось на съезде... Партии и народу нужна вся правда – в большом и малом. Только она воспитывает людей с развитым чувством гражданского долга, а ложь и полуправда развращают сознание, деформируют личность...»

Как хорошо – о всевластии правды и нищете лжи! Хорошо, да не очень. Если партии нужна вся правда – а она нужна только вся – то партия должна усвоить: вся правда невозможна в условиях, когда ее декретируют свыше. И если партия в лице ее руководителей хочет, чтобы правда действительно стала ускорителем движения, она, партия, должна добровольно ограничить свою власть над умами и языками. Не может быть полной правда, которую либо разрешают, либо запрещают. «Истина выше царя», и цари обязаны признать это, если действительно желают, чтобы «царство» не было сонным и вонючим.

Шлюзы открыты, на страницы газет и экраны телевизоров хлынули потоки разоблачений и откровений. «Разительно изменился тон высказываний, суть и пафос социальной критики. Но основ и «верхушки» все это не затрагивает, не касается главного: если правда явлена по чьему-то соизволению, то может ли она ударить по этой верховой привилегии разрешать гражданам проявлять естественные состояния?

Алексей Герман, чьи два фильма так долго пролежали на полке, задается вопросом о характере «спроса на правду».

-Где гарантия, что «спросом на правду» не воспользуются ловкие конъюнктурщики?...

Теперь, когда говорить правду не только можно, но и модно, «чехвостить» руководителей мне не хочется.

(Могу понять. Говорить правду – суверенное право и моральная обязанность гражданина. Когда это право сначала отнимают, а потом возвращают, то тем самым как бы говорят, что гражданин по-прежнему не является сувереном собственной совести. Не желаю подачек, они – не мои, оставьте мне мое – обществу больше достанется).

Снова – А.Герман: «Не в отдельных личностях вижу главное зло, а в той системе необъяснимых «табу», жестких ограничений (в искусстве), которая до некоторых пор (разве?) считалась у нас нормальной. Микроклимат (в искусстве) создается не только

волей «сверху», но и поддержкой «снизу». Положа руку на сердце, нужно признать: большинство из нас в этой системе коллективного вранья как-то механически участвовали, пусть даже своим молчанием...

...Разве правда в том, чтобы ее говорить? Чтобы разоблачать других? Гораздо сложнее самому научиться не врать. Просто не врать, и все. Даже в мелочах».

Подписываюсь под этими словами, хотя не всегда следовал им.

Почему мне так трудно писать действие, человека действия, почему самая удобная для меня форма – бессюжетная, бесфабульная чувственная эссеистика?

Потому что я сам почти никогда не действовал, а только размышлял или чувствовал, но почему-то всегда в стороне от главной трассы?

В. Кожин: «Без осязаемо осуществленного действия невозможно создание героя. Самое углубленное фиксирование мыслей, чувств, переживаний не может поставить перед нами героя в подлинном значении этого слова. Так, без действия невозможно воплотить нравственную суть героя, ибо никакие этические размышления и переживания не раскрывают эту суть: она обнаруживается только в решительном, изменяющем положение вещей поступке, который есть необходимое осуществление нравственного выбора (пока человек только переживает – пусть даже самым интенсивным образом – но не действует, он не совершает очного выбора).

Снова А. Герман: «Наше общество в конце 50-х – в начале 60-х годов переживало период великих иллюзий, люди ощущали личную причастность к созданию правдивой и правильной родины. Бойцов было много. А потом кто-то стал уставать, кто-то постепенно отставать, уходить в декорацию...»

Да, усталость была смертельной – в прямом смысле слова. Оттепель разошлась в административном половодье. Это время травли Пастернака, «авангардистов»... Быть героем и бойцом не мог каждый...

Но, зная себя, сегодняшнего, поражаюсь себе, вчерашнему. Как же все это прошло мимо? Откуда эта асоциальность при остросоциальной коллизии моего существования? Почему образ и идеал «правдивой и правильной родины», столь сильно владеющий мной сегодня, в те годы остался вне меня? Ведь были Алабино, Андронов, Лебедев, университет, «Современник», стукачи в спецотделе, борьба с «плесенью» и т.д. и т.п., - где же был я?

22 июня 1986 г.

Игра по-прежнему занимает меня, и по-прежнему я раздумываю над причинами этого, столь очевидно постыдного для 52-летнего человека явления. Когда-то в книжке «Танго Испания» я вывел формулу своей любви к футболу: «В нем я такой, каким не смог стать в жизни».

В ней мы лжем, выкручиваемся, затаиваемся, раздваиваемся, прячем глаза, чувства и мысли, в игре ничего этого делать не надо. В игре и связях с ней человек выступает самим собой, и если он ангел или вандал, игра все равно выявляет это. Чемпионат мира в Мексике остался вне этой тетради – не в пример испанскому, куда я ездил и откуда привез знание высокого профессионального счастья. У меня теперь другая жизнь, чтобы рваться на футбольные чемпионаты.

Но игра оказывается сильнее «другой жизни», а иные ее сюжеты перекрывают житейские фабулы. В игре наша жизнь, драма человеческого бытия обнаженнее, открытее что ли...

В 1982 году в Барселоне наблюдал, как бесспорно лучшая, гениальная команда – бразильцы – была лишена трона и короны сильными, но, увы, не гениальными итальянцами. В 1986 году их воцарение на футбольном троне я бы назвал торжеством справедливости: они и в Мексике бесспорно сильнее всех.

Но вот вчера жребий сводит их с другой яркой командой – французами, и на глазах у трех миллиардов зрителей разыгрывается трагедия, пограндиознее античной. Бразильцы играют так, словно могут победить в любое мгновение, но французы лишают их этих мгновений, укорачивают «шагреновую кожу» матча, и когда ее почти не остается – побеждают. Опять-таки за счет большего духовного здоровья, лишённого вирусов избранности и мессианизма.

Не припомню другого матча, в котором футболисты такого экстра-класса как Зико, Сократес, Платини «мазали» бы пенальти, да еще в самые драматичные для своих команд моменты. Зико – по ходу игры, а Сократес и Платини – в серии одиннадцатиметровых сделали это, т.е. – промазали. Но нервы у французов оказались крепче, и в итоге они победили.

Справедливость не восторжествовала. За два шага до финала, в котором бразильцы должны были быть представлены, они лишились того, что безусловно должно было им принадлежать.

Кто поднимает руку на Теле Сантану, Зико, Сократеса, которые в тягчайших условиях не смогли справиться с чувствами? Но вся беда в том, что рука поднимется, и это будет рука целой страны.

Сергей Тарасенко: - Сам Господь-бог отвернулся от бразильцев. Могли ли они пообедать?

Бьет пенальти француз, попадает в штангу, мяч от нее отлетает, ударяется в распластанного на земле вратаря и попадает в ворота. Рок, судьба, рука провидения.

-Как вам понравился второй гол Марадоны в ворота англичан?

-Он словно по лесу прошел...

А в целом чемпионат все рассудил по справедливости.

Несправедливо, что проиграли бразильцы. Но и проигрыш французов был бы несправедливостью. И аргентинцы не должны были проиграть. Не только потому, что были сильнее англичан. Для страны, побежденной в войне из-за Мальвин, не было бы горше драмы, чем поражение на футбольном поле.

Драма чемпионата у кого-то – у целого народа! – исторгла слезы и стон, другому народу компенсировала поражение в войне, с третьего сбила спесь, четвертому дала уверенность в правоте упорства. Бразильцы учли все уроки испанского чемпионата, кроме главного: футбол для них как был искусством, так и остался им. А он, в первую очередь и главным образом – торжество воли и характера.

Скромные, не очень яркие бельгийцы одолели сначала нас, а потом – испанцев, и все потому, что верили в себя.

На этом чемпионате было много подвигов и главный среди них – подвиг веры.

А главные, самые яркие подвиги совершали вратари – француз Батс, отразивший два пенальти, бельгиец Пфафф, немец Шумахер – взявшие каждый по одному одиннадцатиметровому в самые решающие мгновения «войны нервов». Соответственно, самыми несчастными стали их коллеги, не сумевшие совершить такие подвиги – испанец Субисаретта, бразилец Карлос.

Совершение подвига стало обязательной предпосылкой победы.

В полуфиналах встретятся Франция-ФРГ, Бельгия-Аргентина. Две из них – не фавориты, не самые интересные команды чемпионата. За чертой полуфиналистов остались звездные «экипы» - Бразилия, Дания, СССР... Из этого следует только одно: решающее условие выхода наверх – одержимость целью.

А в общем-то уже на стадии одной восьмой финала, после матча Франция-Бразилия, интерес к чемпионату гас, задутый ветром превратностей. После ухода бразильцев ряд соискателей чемпионства потускнел.

Сорок пять лет назад началась Великая Отечественная война. Мне было без малого семь лет.

25 июня 1986

История повторяется: сначала – как трагедия, потом – как фарс. Блестящая, почти единогласно титулованная чемпионом мира сборная Франции проиграла в полуфинале команде ФРГ. Четыре года назад в Испании проиграла той же команде, но победила в умах и душах миллионов, взволнованных ее артистизмом, отвагой и страстью. На сей раз и промелька этих достоинств не было. На сей раз с ней поступили как с второразрядной командой, отхлестав по щекам и завершив избивание издевательским щелчком по носу. И сделала это команда, ничем особенным до 25 июня не отличившаяся.

Французов было не узнать. Сонные, вялые, растерявшие отточенность выпадов, импровизационность ходов, взрывную хлесткость концовок. Свой лучший матч – преждевременный, досрочный финал – с бразильцами они сыграли. На большее их не хватило.

Чемпионат закончился в тот миг, когда Фернандес забил Карлосу последний пенальти. Хотя престиж этому «мундиалю» еще сохраняет команда Диего Марадоны, азартно и страстно переигравшая в полуфинале бельгийцев. А сам дон Диего делал с доном Баллоном что хотел и блистательно забил два антологических гола. Это его чемпионат, его звездное время.

И все-таки – огорчительный отлив обнажает мели мирового футбола. Ушли датчане, бразильцы, испанцы, мы, остались блеклые немцы, моторные бельгийцы, увядшие французы. Выясняется, что главное достоинство игры в Мексике – умение ровно раскладывать по этапам чемпионата запас энергии и сил. Побеждает расчетливый, проигрывает одержимый. Среднегорье поощряет усредненность.

28 июня.

В Варшаву, на X съезд ПОРП, с делегацией КПСС во главе с М.С. Горбачевым. Самолет набит «девяткой» и оружием. Когда «девятка» снимает пиджаки или открывает чемоданчики – пистолеты всех мыслимых калибров назойливо лезут в глаза.

«Девятка» мордаста, нагла и вездесуща. Ее так много, что куда ни выстрели – попадешь в «девятку». Сей каламбур родился в момент, когда очередной мент пересадил меня и Игоря Иванова с удобного для нас места. Почаще бы меня пересаживали «девятки» - стимулируя творческую злость.

...

Громовержец спускается на польскую землю и троекратно лобызается с генералом. Тот в черных очках, как всегда.

Наша «Полония» - №11 везет нас в серую, укрывшуюся случайным полиэтиленом, Варшаву.

Знакомый городок на Парковой, знакомые виллы, знакомый отель. Все старое и знакомое, кроме погоды. Цветет и одуряюще, дурманяще пахнет липа. Июль по-польски – липец. Ароматы липца обволакивают Лазенковский парк, караульных солдат, редких прохожих и нашего Генерального, до поздней ночи бродящего по аллее с Э.А и А.Н. Яковлевым, секретарем ЦК. Хотел бы узнать, о чем они беседуют в Варшаве июля 1986 года, спустя пять лет после IX съезда ПОРП, с трудом удержавшего партию и страну на краю развала. Все то же «Польское лято», только без стягов «Солидарности».

В ожидании боссов смотрим в «кордегардин» эдвардовой виллы матч за третье место – Франция- Бельгия.

«Сборная Франции напоминает роскошный цветок, теряющий свои лепестки по мере приближения к финалу». Но тем не менее с известной натугой французы побеждают – 4:2. Гораздо интереснее здешняя культура вещания. В перерыве к телекамерам приглашаются известные польские футболисты и тренеры и затевают дискуссию вокруг перипетий первого тайма.

Трехчасовое ожидание завершения беседы под липами. Грузия и здесь не оставляет меня. Разговор с Мерабом Ч. – о событиях и людях Тбилиси.

-Приехал Пата Ш. Говорит: знаешь, как моего отца теперь в Тбилиси зовут? Знаю, говорю, а сам он знает? Знает.

-А я не знаю – как?

-Кукарачей. По кличке героя думбадзевской повести участкового уполномоченного. Даже анекдот придумали: едут к Горбачеву гонцы из Грузии и просят: «Заберите вашего Муртало, верните нашего Кукарачу...»

Наш Кукарача наконец отбеседовал и вошел в холл, неся на плечах золотые погоны лица.

-А вы почему не спите?

Это он с понтом.

29 июня

Олег Харченко, знакомец по марту, принес обзор газет.

«Франс-пресс»: «Это будет съезд генерала Ярузельского, который получит одобрение от пребывающего в Варшаве советского руководителя... Съезд подтвердит возвращение к политической ортодоксии, его главной задачей станет найти политическое решение для выхода Польши из длительного экономического кризиса».

«Тагесшпигель»: «Почти, как в эру Гомулки: «Генерал Ярузельский достиг вершины власти. Все ожидают, что съезд подтвердит это положение вещей, и личность Ярузельского вспыхнет ярким светом».

«Пшегленд Тыгодневы»: «Нарастает опасение, что увеличивается разрыв между Польшей и высокоразвитыми странами».

«Пшегленд Католицкий»: «Черный четверг» (события в июне 1956 г.) останется важной датой в новейшей истории Польши, которая составляет «истинную правду» современности. В 1956 году народ вышел на улицы с лозунгами «Мы хотим Бога. Познань останется великим уроком политической некомпетентности властей».

Дворец науки и культуры. Апофеоз «высотного сталинского ампира». Выветривающийся известняк скульптур.

Декорированный цветами польского флага зал заседаний. Много опереточных мундиров, главным образом – шахтерских, орденов, медалей, плюмажей, красных галстуков.

Среди гостей съезда узнаю Альваро Куньяла.

Из боковой двери к президиуму движутся Ярузельский и Горбачев, за ними - остальные. Овация.

Оркестр воинов в конфедератках играет «славу». Вносят знамя ПОРП - знаменосцы в белых перчатках.

Делегаты поют польский гимн, затем – «Интернационал». Довольно жидкое и нестройное пение, но без обмана и подсадных вокалистов – энтузиастов из Большого театра.

Горбачева встречают овацией. Это не показное. Дважды, желая пресечь аплодисменты, садится и дважды вынужден встать.

Вступительное слово генерала: -Наш съезд вырастает из усилий всей партии...

Председательствует Юзеф Чирек.

Ярузельский начинает доклад:

-Пять лет назад в этом зале заседал чрезвычайный съезд. Сейчас заседает обычный, и этот факт свидетельствует о нашей победе.

(Этот доклад очень интересен человеку, чье ухо привыкло к словесным клише и заунывному идеологическому шаманству. Он очень ярок по стилю, изобилует находками мысли и слова. Я почти полностью законспектировал его, очарованный нестандартностью выражения. Но вдруг мелькнуло подозрение, что все это – для отвода глаз, что в докладе, при всей его красивости, очень мало «программы», знания того, как вывести страну из тупика. Обочинам уделялось больше внимания, чем пути, который абстрактно формулировался в виде принципа «Национального согласия».

Генерал говорит о чарах демагогии, которым поддалась часть Польши, и тут же сам пускает их в ход:

-К чрезвычайным мерам мы прибегли не для того, чтобы спасти старое, а для того, чтобы защитить новое.

-Обнажая слабости, не вооружаем ли мы врага? Нет, мы отнимаем у него оружие. Правда, даже самая горькая – наше оружие.

-Социализм в Польше связал народное освобождение с общественным освобождением.

-Страна ценится не за ее прошлое, а за свою современность.

-Эффективность – это наш единственный шанс, это наш ответ на вопрос, быть или не быть.

-В эпоху, когда производятся операции на сердце, мы имеем дело с проблемой грязных рук.

-Получение высоких доходов при низкой эффективности труда – своеобразная форма эксплуатации.

-При убогом и неуравновешенном рынке мы не решили проблемы социальной справедливости.

-Демагогия часто преобладает над экономическими аргументами и даже над здравым смыслом.

-К экономической реформе призывают многие, но пришпоривать ее предоставляют другим.

-Наш съезд очередной, но особый. Он завершает собой трудный этап. Есть ли гарантии, что кризис не повторится? Есть! Съезд определяет будущее Польши, обращенной в XXI век.

Вот так, нагнетая максимы, соревнуясь со Станиславом Ежи Лецом, демонстрируя красно-белое политическое острословие, возбуждая себя и убеждая зал, генерал Ярузельский строит свою «программную речь», которая должна стать проектом польского будущего. Согласно этому проекту, трещины, опасно расколовшие обветшавшее здание Польши, должны быть замазаны, а вслед за этим – сооружено новое здание, с новым фундаментом и новой надстройкой.

Что-то не верится. Что-то очень тревожно – и не только за Польшу.

Жизнь сильнее, веселее, задорнее любых и, тем более – надуманных доктрин. Сегодня – финал чемпионата мира по футболу, и делегаты настояли на сравнительно раннем окончании вечернего заседания съезда.

Едем в резиденцию. У наших руководителей иные игры. Они удаляются в кабинет посла, чтобы «поколдовать» там над завтрашней речью Горбачева. А мы идем смотреть финал: Аргентина-ФРГ.

Матч длится положенные девяносто минут и еще половину этого – коллективные рыдания аргентинцев, завоевавших таки свой приз. Марадону душит в объятиях тысячная толпа и он, судя по всему, желает этого. Он не отбивается, не выскальзывает, не выбирается из кольца – он сливается с жаркими телами аргентинцев, которые благодаря этой победе избавились, кажется, от мальвинского комплекса неполноценности, от позора и стыда за потопленный «Генерал Бельграно», за капитуляцию и поражение в войне.

Канцлер Коль пролетел полмира, чтобы присутствовать при неудаче своих соотечественников и пожать потную ладонь мальчишки-аргентинца, обезумевшего от счастья.

30 июня

Второй день работы «съезда». Ярузельский подписывает автографы на брошюрах со своей речью, Горбачев делает то же самое – на своей книге. Автографомания охватывает всех и вся.

А что же в газетах?

«Фигаро»: «заседания съезда будут проходить под двойным символом - Горбачева и экономической реформы. Предсъездовская дискуссия показала глубокий раскол партии на две основные группировки, одна из которых считает, что кризис возник из-за недостатка социализма, другая – что было «слишком много социализма». Сомнительно, чтобы нынешнее руководство смогло сделать выбор. Генерал Ярузельский и его окружение не проявили до сих пор ни достаточной твердости, ни воображения, чтобы можно было выразить оптимизм. Правящая группировка ликвидировала хаос и анархию, но пока не видно, чтобы «Польша возродилась из пепла».

«Съезд пройдет под знаком «горбачевизации» Польши. В катастрофической экономической ситуации генерал Ярузельский продолжает свое мероприятие по «очищению», ликвидируя все демократические преобразования, введенные после 1981 года. («Монд»). Она же: «Горбачев – в Варшаве, Буяк – в тюрьме, а Польша принята в МВФ. С уверенностью можно утверждать, что генерал Ярузельский подошел к съезду в неплохих условиях... Не выигрывает ли он на всех фронтах, поскольку Западу надоело сохранение санкций, Буяк пошел в тюрьму, а присутствие первого лидера социалистического лагеря благословляет «великую нормализацию?»

«Сюисс»: «Советский лидер использует свое присутствие в Варшаве для создания в польском общественном мнении лучшего образа СССР после Чернобыля... Его присутствие на съезде является доказательством самого пристального внимания, с каким Кремль наблюдает за Польшей, а также доверия, оказываемого Москвой генералу Ярузельскому, который полностью привел страну в советские объятия».

«Нойе Цюрихе Цайтунг»: X съезд подтверждает власть генерала Ярузельского, который окружил себя послушными функционерами из казарм... Все в Польше знают, что подлинная власть находится в руках генерала и полковников, независимо от нынешней малой военной игры с переодеванием из мундиров в военную одежду».

АП: «Выступление Ярузельского имело целью... сигнализировать завершение эры «Солидарности» и военного положения».

Выступления делегатов по существу не проиллюстрировали этот тезис. Среди них было несколько очень занятых.

Электромонтер из Валбжиха – о молодежи: «Расхождение словесных деклараций с действительностью формирует глубоко сомневающийся людей. Нас вспоминают только в торжественных случаях, когда надо оживить серый костюм красным галстуком».

Учительница из Бяльска-Бяла: «Начну словами поэта: «Я женщина, и власть не мой удел... В годы мученичества на нашей земле человечность победила жестокость. Но национального согласия в стране нет. Перессорившись, мы, поляки, так и не смогли помириться...»

На таком фоне гладкая успокоительная речь М. Горбачева с реверансами в сторону генерала сопровождалась овацией. Он завершил ее поцелуями. Сел. Овация продолжала бушевать. Встал. Принял на себя удар лавины. Не дрогнул.

Дальше все продолжалось в заведенном ритме.

-В нашей стране самыми прочными являются временные решения.

-Мы являемся изготовителями металлической стружки.

-Традиционные отрасли разваливаются, новые, отвлекающие самые большие инвестиции – не развиваются.

Мрачнеет в президиуме Куньял. М.Г. улыбается харьковскому боссу. Это улыбка сообщника.

В боковой гостевой тоже возникает розовый шар – голова Юзефа Циранкевича. Былое и думы. Тень пятидесятых. Верные сталинские вассалы.

После обеда едем в район Воли. Универмаг и комнатка с ширпотребом для делегатов. Их нет – одна «девятка».

Вечер. Незабываемый вечер в Лазенках.

Концерт польской камерной музыки. Апофеоз польского гения.

Свечи капают воском на лысины и белые парики. «Слуги» в белых париках и красных камзолах, генерал Плеханов, полотна Матейки, мрамор, антики, притененный блеск позолоты.

Прибывает генерал с супругой. Пани Барбара вельможна, моложава и красива. Высокая взбитая прическа, белое платье – женщина из той эпохи, но генерал не похож на Станислава Августа Понятовского.

Генеральный, генерал и альты. Власть и искусство. Шопен при свечах. Монархи и художники. Ситуация, хорошо знакомая этому дворцу.

Придворный оркестр играет музыку бунтарей. Придворный пианист извлекает из рояля музыку восстания. Придворный скрипач бьет смычком по нервам. А генеральный восхищается: «Какая тонкая музыка!»

...

А после концерта счастливые концертанты берут автографы у генерального.

1 июля

Посещение завода имени Сверчевского. Митинг. Генерал сообщает залу о том, что отец М.С. сражался за Краков и был ранен там. Кончает здравицей: -Да здравствует товарищ Горбачев, наш лучший друг и замечательный человек!

Овация.

Горбачев улетает в Москву.

Встреча в Доме дружбы. Знакомый по марту Станислав Вроньский. Выступления.

Заверения. Сомнения.

Вечером пошли в Старый город. На рыночной площади постояли у развешанных на стене пейзажей. Появился автор-художник и долго пытался продать картину, сбивая цену и не торгуясь.

2 июля

«Горбачев, посматривающий в зал с варшавской трибуны, может быть доволен – в Польше снова тишина...»

Франс Пресс: «Генеральный секретарь ЦК КПСС высоко оценил генерала Ярузельского, которого практически представил в качестве спасителя Польши. Этому восхвалению сопутствовало немедленное напоминание о том, что в Москве ничего не изменилось в отношении доктрины Брежнева об ограниченном суверенитете соц. стран».

В трех воеводствах неизвестные распространяли «провокационную» «Газету съезда». В Валбжихе обнаружено 100 листовок об аресте Буяка, разбросанных из поезда. Около тысячи листовок антисъездовского содержания изъято в Люблине.

АП: «Своим выступлением Горбачев оказал поддержку докладу Ярузельского – в том, что политический кризис подошел к концу, и партия восстановила силы».

ЮПИ: «Зал встал и устроил ему овацию, когда он упомянул (но не извинился) «несчастье», вызванное в Польше Чернобылем».

«Суар» (Бельгия): «В выступлении советского лидера изменилась этика, но доктрина осталась прежней. Горбачев модернизировал в Варшаве доктрину Брежнева».

«Фигаро»: «Для Горбачева события в Польше учат, что необходимо поправлять социализм, корректируя его многочисленные «ошибки».

Анкет о поезде социализма: Сталин расстреливает железнодорожников, Хрущев реабилитирует их и приказывает брать рельсы от конца и укладывать их впереди; Брежнев велел зашторить окна и раскачивать вагоны; Горбачев – расшторить окна и призывает всех кричать: «Почему мы не движемся вперед».

Сидение на съезде, прилежное конспектирование речей.

-Мы ведем борьбу за охрану человека от социальной патологии;

-Давайте не делать баррикады там, где надо строить мосты;

-Откуда бы взяться вере молодежи в партию при всем том, что молодежь видит?
(Пропуск)

Все это так – красиво, умно, резко. Но все это – демагогия, поскольку заведомо для говорящих никуда и ни к чему не ведет. Существование определенных политических структур здесь, в Польше, как и в Советском Союзе – вечный тормоз ровного социального движения. Мы лишь убеждаем себя в том, что положение надо менять, а изменить – не можем. Не знаем, как это сделать, боимся, трусим и – подогреваем себя словами. Вечер в «Будапешт-кристалле». Восемьсот злотых за бутылку болгарской «Искры» и пресный, холодный стриптиз рыжеватой блондинки. Жалкая попытка совместить несовместимое.

3 июля

Прогулка по Лазенковскому парку. В зале съезда Э.А. – за отсутствием М.С. – атакуют соискатели автографов. Один подсовывает альбом «Грузия». Голосование поправок к документам съезда. Игра в демократию.

Переговоры в МИД ПНР. Ожеховский испрашивает у Э.А. согласия на допуск телевизионщиков.

-Вы хозяин, вы и решайте.

-Но телевидение советское... Кстати, на съезде остро критиковалось телевидение.

-Настолько остро, что моментами я думал, не советское ли телевидение критикуют...

Прием, с которого смылся.

4 июля

Возвращаемся в Москву.

9 июля

52 года. Что позади – знаю и не восхищаюсь, что впереди – боюсь прогнозировать.

13 июля, воскресенье

Визит в Лондон. Минимум сопровождающих. Минимум «девятки» - как с нашей, так и с английской стороны. Первый раз был в этой стране в 1967 году. Эпоха вседозволенности. Эра хиппи. Поствикторианский комплекс неполноценности. Демонстрации за и против вступления в Общий рынок. Гибель космонавта Комарова и путч черных полковников в Греции. Первый выход за рубеж отчизны. Первое потрясение. Англия оказалась непохожа на свой литературный образ, капитализм – на карикатуры Бориса Ефимова.

Из Хитроу нас везут в «Даймлере». Никто не охраняет шоссе и нас. Только полковник Уоррэл, краснорожий, как классический пират из Стивенсона, - сетующий на закрытые, по случаю уик-энда, пабы.

Наш водитель – монумент былому величию империи. Правь, Британия, морями; никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом.

Кенсингтон гарденз стрит, 13. Посольство. Кусочек родины милой. Посол Замятин Л.М. – сколок номенклатуры родимой, памятник брежневской эры.

Посольство поражает суровым великолепием викторианства. В двух шагах –

Кенсингтонский дворец, обиталище принца Чарльза и принцессы Дианы. Наш же приют – «Ройалгарденз отель». Окна – на Кенсингтон хай стрит, цветочный магазин Гарфункеля, универмаг «Че Гевара», шоп «Калашников», кинотеатр с фильмом «Письмо от Брежнева» - о разделенных семьях.

14 июля

Утренняя пробежка по хай-стрит. Через час – настоящая хай-стрит. На вертолете, стартующем с лужайки Кенсингтонского дворца, лети в Чивнинг, загородную резиденцию министра Хау.

Вижу Гайд-парк, Серпентайн, Букингемский дворец, шедевры сэра Рэнна. Лондон, как ему и положено, в дымке, но кое-что можно разглядеть. Например, переход от города к загородному пейзажу Суррея и Кента. Типикал!

Поместье Чивнинг основано в 1099 году. Принадлежало графам Стенхоунским. Сразу видно, кому принадлежало. Дубовые панели. Раритеты. Портреты, среди них – Уильяма Пита Старшего кисти Гейнсборо. Оружие – старинное, времен войны Алой и Белой розы, англо-бурской войны и прочих battles-ов.

Эдик: -Ах, оружие? Поговорим!

Переговоры. Сэр Джеффри – скучный джентльмен. Наш – повеселее. Занимает обстановка – gobelены, стол с золочеными лампами, в окне – пруд в оторочке леса.

Нежирный английский ланч, сосед сэр Патрик Райт (Уайт?) – с виду лысый злодей, созревший для музея мадам Тюссо. Щупает меня на предмет английского. Опять двойка. А я его – вопросом о привидениях.

-Не знаю, - говорит, - недавно отдыхал здесь с миссис Уайт (Райт?). Ни одного не встретили.

Сэр Джеффри объявляет Чивнинг зоной, свободной от речей.

Э.А. улетает в Лондон, где на Даунинг-стрит его ждет Мегги Тэтчер, а мы возвращаемся в Лондон автомобилем. С полковником Уорреллом – посол Алексей Обухов и я.

Вечером в посольстве – анализ встречи с премьер-министром. Замятин беззастенчиво льстит Э.А., тот морщится. Наших там встречала антисоветская демонстрация с нелестными для Э.А. лозунгами.

Вечером он уезжает в Ковент-Гарден на спектакль «Так поступают все женщины» и возвращается, разгневанный. И там его встретила демонстрация. «Шеварднадзе – мясник Грузии», «Москва лжет: Украина умирает».

-Если меня пригласили отдохнуть – пусть обеспечат безопасность.

15 июля

95 градусов по Фаренгейту. Разговор с С.П. о культуре и достоинстве нации.

Переговоры в Ланкастер-хаус. И здесь «радушный» прием. Мегафонная оратория на тему прав человека. Официальный Лондон демонстрирует великолепие своих дворцов и неконтролируемую широту своей демократии. Когда под гербами Ланкастеров речь касается Афганистана – мегафоны вливают в окна митинговый лай.

-Закройте окна! – раздраженно говорит Э.Ш.

Переговоры между тем развиваются весьма успешно, со всяческими хохмами и подковырками.

Каминный мрамор, черная лощеная бронза, золото орнаментов.

Прием в посольстве. Зимний сад. Ланч. Э.Ш. читает нашу речь с упоминаем Винчестера.

Сэр Джеффри живо реагирует:

-Я учился в Винчестере. Пастор повесил меч для Сталинграда в приходской церкви, и мы молились на него.

Появляется старый приятель по «Комсомолке» Паша Михалев, везет меня в Виндзор, катает по Сафари парку, по дворцу, угощает пабом «Конь и грум» (год основания – 1520) и рассказами об антисоветских страстях.

Работаем над текстом для завтрашней пресс-конференции до 3 ч. ночи.

16 июля

Толковая, серьезная пресс-конференция. Элегантные втыки американцам. Изящные ответы на вопросы о «железной леди». Народу набилось – под самую завязку. Сидят на полу. Заставили стол микро- и диктофонами. Замятин демонстрирует, что он «свой» в

этой аудитории, что он знает, как ею управлять. Вчера на церемонии подписания советско-английских соглашений шептал мне, как он рад, что именно я помогаю Э.Ш., что он расспрашивал его обо мне.

Все тот же феодализм.

Едем в Хитроу. Полковник получает свою бутылку водки. Прощай, Лондон.

21-28 июля 1986 г.

Особняк МИДа. Врубель, Рокотов, Багаевский и старый лис Ганс-Дитрих Геншер. В целом атака развивается на европейском направлении.

Отпущен в Тбилиси. Отпуск, славься!

Зной в Тбилиси, зной в стопе, левой, безударной, наметки тендовагинита и –почти две недели в постели, сильнодействующие антибиотики, скульптура Телетского хребта в окне, визитеры, родичи, друзья-приятели, соседи – так проходит первая половина отпуска, горизонтально, печально, больно, упоенно.

Вторая половина – в Кобулету, в доме отдыха «Иверия», на аджарском побережье грузинского Черноморья, по грузинским же слухам – зараженного радиоактивными выбросами Чернобыля.

Грузинский свет ринулся в родные горы, а номенклатурными пляжами завладели технический персонал из Москвы и Тбилиси, отставные балерины, экс-министры, номенклатура средней руки и т.п. Самый крупный бриллиант в этом ожерелье – Василий Павлович Мжаванадзе, бывший царь всея Грузии, ее посмешище и позор, безголовый глава республики воров и проходимцев. Уже после своего свержения, покинув милую, ограбленную и поруганную родину, и поселившись в Москве, вознамерился он вновь вернуться под сень Кавказа – хотя бы в виде останков, своих или своей жены.

Знаменитая Виктория опередила супруга в возвращении в Грузию, оставив завещание: «Опустите меня в землю». Пришлось Васе по телефону бить челом Шеварднадзе. Тот разрешил.

Привезли покойницу в Тбилиси, объявили о панихидах и дне похорон. Однако, у тела покойной не получилось толкучки, как бывало у живого тела. Боялись: все-таки Виктория, главная ограбительница, приснопамятная, воспетая молвой и заклеянная народной хулой, под кого только не ложилась, кому только не давала, у кого только не брала...

Скорбел и соболезновал только институт кибернетики, чей директор зятем приходился покойнице. Некрасиво получалось: мертвые вроде бы не имеют сраму, а тут каждый демонстрировал неприязнь.

Произошла вдруг демонстрация благородства со стороны Э.А. – пришел на панихиду, сочувствие выразил и дал остальным команду – тогда весь народ валом повалил к одру.

На кладбище Вася пожелал произнести речь, тряхнул стариной, как на октябрьском, 1964 г. пленуме ЦК, где он вместе с большинством «ленинского ЦК» скушал своего благодетеля Хрущева.

И на сей раз был он столь же неразборчив в средствах, пошел и глуп, исходя из той посылки, что он титан, и что публика истосковалась по такому трибуну.

-Эта женщина, - сказал он в надгробной речи, - эта русская женщина так любила Грузию, что и после смерти не пожелала расстаться с ней.

Да, она так слилась с этой землей, что пожелала и после смерти осквернить ее, а ее муженек, этот венценосный рогоносец, ничего не поняв, сохранил диктаторский вскид головы.

Тонкие, втянутые вовнутрь губы, гитлеровские усики, замысловатый начес – нет, он почти не изменился, Вася Мжаванадзе, в свои 84 года, только волосы покрылись тусклым пепельным налетом, да шаг утратил твердость, а в остальном он все тот же, что в 56 году, когда лицезрел, как расстреливали у Дома связи моих ровесников, не в меру сталинолюбивых бунтарей.

Славная осень у этого патриарха. Две милые славяночки за его столом, в окне – море, задающее масштаб его нынешнему бытию, а вокруг вьются нынешние и бывшие: власть, даже когдатошня, продолжает приманивать.

-Папа, познакомься, это помощник товарища Шеварднадзе. Мы с ним встречались в Японии...

-В Японии ты был, а не я...

Но весь маразм тотчас отлетел от него, когда в «Иверию» заявился генерал Инаури, его украинский сослуживец, кавалерийский рубака, экспортированный в Грузию сначала на должность министра ВД, а затем – шефа КГБ, состоя в коей, и сбросил Васю в нужный момент.

Ветераны обнялись, сливая толстыми дряблыми щеками алмазные брызги из слезных желез.

Васю свозили какие-то доброхоты на какое-то высокогорное пастбище, он оглядел мир с той высоты и изрек:

-Вообще-то я не вижу особых перемен.

Он прав: никаких перемен после него в обществе не произошло, как не произойдет при нынешних его наследниках.

30 августа, по предложению Э.А. повез С.П. в нашу республику, показал Пицунду, Рицу, Афонскую пещеру и пещеру в Эшера, Джумбера Беташвили, Ладю Цомая со домочадцев.

В тот же день в 8 вечера отправил Сергея в Сочи, а сам двинул в Тбилиси.

Вот и весь отпуск.